

ПРОЗА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Василий Ардаматский

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЗИМА

Проза Великой Победы

Василий Ардаматский
Ленинградская зима

«ВЕЧЕ»

2018

Ардаматский В. И.

Ленинградская зима / В. И. Ардаматский — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Проза Великой Победы)

ISBN 978-5-4484-8501-5

Роман посвящен отважной борьбе наших чекистов против действовавшей в осажденном городе фашистской агентуры.

ISBN 978-5-4484-8501-5

© Ардаматский В. И., 2018
© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	15
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Глава пятая	27
Глава шестая	33
Глава седьмая	39
Глава восьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Василий АрдаMATский

Ленинградская зима

© АрдаMATский В.И., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Часть первая

Глава первая

Шел июль сорок первого года – война с Россией была в полном разгаре...

Михель Эрик Аксель терпеливо ждал назначения. Каждое утро он приходил на Тирпиц-буфер, в главный штаб абвера, и прежде всего направлялся в протокольный отдел – приказа все не было. Аксель – достаточно зарекомендовавший себя офицер абвера, чтобы не нервничать и знать, что впереди его ждет достойное дело. Временно он работал в отделе систематизации разведанных. Это тоже было приятное занятие – ежедневно, ежечасно, хотя бы по донесениям, наблюдать, как немецкие войска стальными клиньями вламываются в страну большевиков, берут их города, сея там ужас и панику. С несколько ревнивым чувством он читал информацию, поступавшую из разведывательно-диверсионного центра «Сатурн», который вместе с центральной группой войск был нацелен на Москву. Перед началом кампании он ожидал, что «Сатурн» будет поручен ему. Он очень хотел этого и был поражен, когда начальником «Сатурна» назначили Зомбаха – одного из «серых полковников» абвера; эти полковники только тем и славились, что у них безупречные биографии.

Аксель в военной разведке всего пять лет, но в его послужном списке уже немало серьезных дел... Главное, конечно, Мадрид. Его послали туда в 1936 году, когда генерал Франко поднял мятеж против Испанской Республики. В Мадридском университете тогда появился молодой немецкий ученый – долговязый, с приятным интеллигентным лицом. Его интересовали документы и свидетельства о распаде Византии в результате Четвертого крестового похода, в бесконечно далеком XIII веке. До того как стать работником абвера, Аксель три с половиной года учился во Франкфурте, в университете имени Гёте, на историческом факультете, так что в обличье неразговорчивого мужа науки ему было не так уж трудно вводить в заблуждение даже образованных людей и оправдывать приставку «д-р» на своей визитной карточке. Впрочем, всем известно, как легко получить в Германии докторское звание.

Аксель исправно ходил в архив Мадридского университета и работал с древними рукописями и документами. Там он трудился до полудня, а во второй половине дня занимался разведкой – вербовал агентов, изучал настроение республиканской столицы.

Войска Франко, поддержанные Германией и Италией, готовились к решающему наступлению. В эти дни Аксель получил приказ выехать через Португалию в порт Кадис и в определенный день и час подняться там на борт аргентинского парохода «Анхела»...

Он сделал все, как было приказано, и в капитанской каюте парохода увидел главу абвера Вильгельма Канариса.

Обязанный профессией ничему не удивляться Аксель сдержанно приветствовал шефа и вытянулся, ожидая приказаний.

Канарис в черном кителе гражданского моряка сидел на вертящемся кресле. Не поднимаясь, он тихим, глуховатым голосом поздравил Акселя с присвоением ему звания капитана.

– Впрочем, вы знаете: у нас в абвере звание – вещь условная, безусловно только одно – талант разведчика. – Черные маслянистые глаза Канариса мазнули по высокой фигуре Акселя сверху вниз. – Однако когда есть и то и другое, можно радоваться... – Сделав секундную паузу, он дружески улыбнулся. Это было для Акселя великой наградой.

Канарис упруго выбросил свое плотное, погрузневшее тело из кресла и, подходя к Акселю, сказал:

– Я читал ваши донесения. Там все правда?

Аксель молчал, но не мог скрыть обиды.

Канарис выжидательно снизу вверх смотрел на него. Недовольно сдвинув свои густые брови и отступив на шаг, он показал Акселю на диван.

– Присядьте, капитан. Что-то вы слишком впечатлительны...

Аксель сел в угол дивана, неудобно скрестив свои длинные ноги.

Канарис прислонился спиной к иллюминатору, от этого в каюте стало темнее, и Аксель перестал видеть лицо шефа.

– Фюрер ставит перед нами новые задачи... – негромко заговорил Канарис. – Совершенно новые... Франко скоро начнет последнее наступление. Мы ему поможем. В Мадриде, Барселоне и в других городах нужно срочно создать отряды из верных, хорошо вооруженных людей, которые в нужный момент ударят республике в спину. Франко будет наступать на Мадрид четырьмя колоннами, наши отряды будут пятой. Ваше мнение – это можно сделать? Сидите, пожалуйста. – Канарис опустил в кресло и сидел боком, не поворачиваясь к Акселю, не хотел мешать ему собраться для точного ответа.

– Испанцы очень своеобразны... – начал Аксель.

– Я прекрасно знаю испанцев, с ними можно иметь дело, за волевыми людьми они идут охотно.

– Степень их надежности...

– Главной силой «пятой колонны» должны стать люди, для которых победа красных означала бы их гибель, – перебил Канарис. – Этот принцип отбора охранит вас от дорогостоящих ошибок.

– Анархистов брать? – осторожно спросил Аксель.

– Только на слепые роли, люди, которые выступают против всякой власти, опасны...

Каждое новое сомнение Канарис отсекал со все большей резкостью, но Аксель не торопился соглашаться. Он отлично помнил крылатое выражение Канариса, что уверенность рождается, когда умирают сомнения. Дело стоило того, чтобы хорошо его обдумать.

– Начав эту работу, мы подвергнем себя большому риску, я и теперь все время чувствую контрразведку за своей спиной, – сказал Аксель.

– Согласен – риск есть... – Канарис наклонил голову, и его глаза спрятались под кустистыми седеющими бровями. – Да, кто-то провалится и погибнет, – продолжал он. – Может быть, и вы. А кто-то доведет дело до победного конца. – Канарис снова замолчал, давая возможность Акселю прочувствовать услышанное. – А главное, – продолжал он, – фюрер говорит нам: любое общество, любое государство в момент больших потрясений слепнет и глохнет...

Это было сумасшедшее дело... Забыв о Балдуине Фландрском, Аксель с рассвета до поздней ночи носился по Мадриду на купленном по случаю стареньком горбатом «фиате». Он вербовал верных людей в свою «пятую колонну», добывал оружие и складывал его в тайники. Он настолько обнаглел, что в отеле, где жил, снял еще две комнаты, разместил в них свой штаб – там сидели два испанских фалангиста, его помощники, которые совершенно открыто вели запись желающих воевать в рядах «пятой колонны».

Все шло как по маслу, и в нужный час «пятая колонна» вышла на улицы Мадрида, напала на его защитников с тыла и этим сильно ускорила падение города.

Канарис запомнил Акселя, и тот вернулся в Берлин, на Тирпицштрассе, уже майором.

Весной 1939 года Аксель получил новое ответственное задание и спешно выехал в Советский Союз. Его мадридская легенда была признана настолько удачной и прочной, что ее решили не заменять, а лишь немного подправить. Он отправился в Ленинград снова в качестве историка, под тем же именем. И снова его интересовали хитросплетения византийской истории.

– Задание фюрера срочное, но это совсем не значит, что надо спешить, – говорил Канарис, прощаясь с Акселем. – Трех-четырёх месяцев, думаю, вам хватит. Зная вас как мастера сомнений... – улыбнулся он, – я не желаю вам удачи, я твердо верю в нее...

Ровно в девять утра Аксель появился в Государственном Эрмитаже – всегда в одном и том же скромном потертом костюме, длинноногий, медлительный, с внимательными светлыми глазами за стеклами очков. Вскоре он уже называл работавших с ним сотрудников по имени и отчеству, мило коверкал русские имена и, смеясь, извинялся за это. Он объяснял, что родился и рос в Риге, что его отец состоял компаньоном в русско-немецкой коммерческой фирме, а его лучшим другом детства был русский мальчик. С тех пор он знает русский язык, очень плохо, конечно...

Он был очень серьезен, медлителен, молчалив, не тратил ни минуты на праздные разговоры и редко вставал со своего места за огромным дубовым столом, заваленным древними манускриптами. Когда сотрудники музея шли в буфет обедать, он оставался на своем месте и однажды смущенно объяснил, что буфет не предусмотрен его скромным бюджетом. По этой же причине он живет не в отеле, а в канцелярии немецкого консульства.

– Сейчас у нас в Германии все средства отданы науке военной, а мы, историки, – просто нищие, – печально закончил он и испуганно расширил глаза: не слышал ли кто-нибудь посторонний его смелое заявление?

Сотрудники сочувственно и понимающе вздыхали, давая понять, что здесь опасаться некого, и тащили его в буфет.

После работы Аксель огибал пустынную Дворцовую площадь, шел мимо Адмиралтейства, обходил огромный Исаакиевский собор и через сквер направлялся в гостиницу «Астория». Там он обедал долго и со вкусом – русская кухня после берлинских эрзацев доставляла ему большое наслаждение. Отобедав, он покупал в вестибюле «Астории» газеты и шел через площадь в мрачное прямоугольное здание немецкого консульства, где действительно жил, но не в канцелярии, как он рассказывал, а в прекрасной комнате, которую предоставил ему консул Зоммер, его коллега по абверу и давний знакомый. Вечерами они вместе просматривали информацию агентов, работавших на консульство, составляли донесения в Берлин и обсуждали меморандум о Ленинграде, который должен был написать Аксель. Перед сном они позволяли себе партию в шахматы. И всегда за игрой возникал один и тот же спор...

Чем дольше Аксель жил в Ленинграде, тем больше поражал его этот громадный, непохожий на другие русский город. А консул не видел в Ленинграде ничего особенного, кроме того, что в нем, как в любом другом индустриальном городе, много заводов, а значит, много опасного пролетариата. Зоммер посмеивался над впечатлениями своего коллеги и называл их дамскими. Аксель называл позицию Зоммера школярской и опасной. И как во всяком споре, для Акселя постепенно прояснялась истина...

В этой поездке главной задачей Акселя было составить меморандум о Ленинграде. Такие меморандумы о шести советских городах готовились по требованию самого фюрера. Гитлер хотел знать не только военный потенциал каждого из этих городов, но и состав жителей, образ их жизни и настроения. Аксель понимал всю сложность стоящей перед ним задачи и немного досадовал, что ему было предложено заняться в Ленинграде еще и вербовкой агентов, – для двух таких серьезных дел не хватало времени.

Наступил канун Нового года. Консул на рождественские дни уехал в Москву, чтобы провести праздник среди своих в немецком посольстве. Акселю для встречи Нового года консул распорядился заказать столик в «Астории». С ним пойдут две девушки из консульства – секретарша консула Лора и сотрудница шифровального отдела Клара.

Их столик оказался на возвышении, в боковой галерее, откуда хорошо был виден весь зал, в центре которого стояла большая елка с красной пятиконечной звездой на макушке. Аксель с

большим любопытством наблюдал, как зал заполнялся людьми – удивительно разными по возрасту, по манере держаться и даже по одежде. Рядом, у большого стола, уселась компания гражданских моряков. Их дамы старались держаться небрежно и величественно, но это плохо им удавалось – атмосфера шикарного ресторана была для них непривычна. Поодаль тесно облепила стол шумная компания молодежи. Парни были одеты, как показалось Акселю, небрежно, двое из них были даже без галстуков, в спортивных рубашках с расстегнутым воротом. А их девушки, наоборот, старательно принарядились, завились, подкрасили губы. Вытянув шеи, они с жадным любопытством глядели по сторонам и перешептывались.

Спутницы Аксея были одеты просто, держались непринужденно, казалось, им нет никакого дела до всего, что происходит вокруг. Лора с ее почти белыми, падавшими на плечи волосами могла считаться классическим типом нордической женщины, настоящей арийки – у консула Зоммера был недурной вкус. У Клары – длинные черные глаза, а черные волосы вились крупными кольцами. Она была тоже красива по-своему.

Откуда-то сверху раздался хорошо знакомый всем голос диктора – началось официальное новогоднее поздравление по радио из Москвы. Все встали с бокалами в руках. Поздравление показалось Акселю слишком длинным, он с удивлением наблюдал, как внимательно и серьезно все вокруг слушали то, что говорила Москва. Он показал глазами своим дамам, что надо встать, и они тихонько поднялись с бокалами в руках.

Наконец послышались звуки гимна. Раздался нестройный крик «ура!». Захлопали пробки шампанского. Зазвенели бокалы. Слышались возгласы, люди целовались, снова кричали «ура!» и смеялись.

Аксель чокнулся со своими дамами и сказал им негромко:

– За фюрера...

– Прозит... прозит... – ответили они и дружно выпили.

Общий веселый гул становился все сильнее.

За соседним столом поднялся громадный уса́тый мужчина в черном кителе моряка. Он громко постучал ножом по тарелке, добиваясь за своим столом тишины, и поднял наполненную рюмку.

– За наших прекрасных женщин! – громко сказал он простуженным басом и протянул рюмку, чтобы чокнуться, к такой же большой, как он сам, даме.

– Ура-а-а! – закричали мужчины, вставая.

Аксель поднял свою рюмку и тихо сказал своим девушкам:

– Я присоединяюсь к тому, с усами.

Они сдвинули бокалы и выпили.

Теперь на небольшом пространстве, свободном от столов, образовалась тесная толчея танцующих.

Аксель танцевал с обеими девушками по очереди, скоро устал и запросил пощады. Ему хотелось посмотреть на то, что творилось в зале, это было просто интересно.

В русских непонятно сочетались какая-то сосредоточенная дисциплинированность, которая заставила их простоять десять минут, слушая радиоречь из Москвы, и искренняя непосредственность, веселье. Люди, явно незнакомые в начале вечера, быстро знакомились, сдвигали столики и вместе распевали песни... Веселье становилось все более шумным.

Во втором часу ночи к их столику с наполненной рюмкой в руке подошел молодой мужчина в смокинге. Смокинг был ему немного велик, будто с чужого плеча, но крахмальный пластрон красиво облегал сильную грудь и смуглую шею. Он был высок, с вьющимися темными волосами и красивым лицом – такие лица Аксель называл валетными: в них было трудно найти какую-нибудь характерность.

– С Новым годом, друзья! – сказал он на хорошем немецком языке, шаркнул ногой и потянулся рюмкой к Лоре, чтобы чокнуться. Лора сидела неподвижно и как будто не видела

его, но незнакомец, нисколько не смутясь, продолжал: – У нас в новогоднюю ночь все – друзья... и как друг я обязан прийти вам на помощь... – обратился он к Акселью. – Прошу вашего разрешения потанцевать с одной из ваших дам.

Аксель предоставил своим девицам самим решить этот вопрос. Они одновременно встали, и все рассмеялись. Аксель пошел танцевать с Кларой, а с незнакомцем танцевала Лора.

– Танцует великолепно, но сильно пьян, – сообщила Лора, вернувшись к столу. – Недавно развелся с женой. Фамилия – Горин... Работает юрисконсультom в издательстве и в каких-то двух местах еще. Если не врет, конечно...

После второго танца Лора доложила:

– Говорит, что ему опостылела его компания, набивается к нам.

– Ни в коем случае, – предупредил Аксель и деловито спросил: – С лирикой не лезет?

– Еще как! – рассмеялась Лора. – Вот и сейчас не сводит с меня глаз и все поднимает бокал со значением. Отметил, что у меня божественная фигура.

– Если попросит, дайте ему свой телефон, – улыбаясь, сказал Аксель. – Спрашивал, кто вы?

– Ваша секретарша. А вы ученый, в командировке.

– Прекрасно, Лора, на месте Зоммера я держал бы вас не секретарем.

После очередного танца юрист подвел Лору к столу и бесцеремонно уселся на свободное место. Тотчас за его спиной возникла статная фигура распорядителя бала.

– Простите, пожалуйста, но, по-моему, вы перепутали столики, – сказал он, кланяясь.

– Я сижу где хочу, – обиделся юрист. – Или в нашей стране это запрещено?

– Нет, почему же? Сидите где хотите, только бы наши гости не возражали, – объяснил распорядитель.

– Мы не возражаем, господин помогает мне в танцах, – пошутил Аксель, и распорядитель, извинившись, отошел.

Юрист долго еще не мог успокоиться, ворошил свои густые темные волосы, тряс головой и все бубнил о своем праве сидеть где угодно, даже если это право и не записано в Конституции.

Аксель внимательно наблюдал за новым знакомым. «Если притворяется, то делает это великолепно...» – подумал он и сказал своим девушкам, что пора идти домой.

Отвязаться от пьяного юриста стоило немалого труда...

Спустя два дня он позвонил Лоре, и они встретились на Островах.

Вскоре состоялось второе их свидание.

– Ничего, кроме легкого флирта, – строго инструктировал Аксель.

– Нет! Я выйду за него замуж, у него синие глаза, не отговаривайте меня! – смеялась Лора...

За вторым свиданием последовало третье, четвертое. Аксель сначала издали, по рассказам Лоры, изучал юриста и все больше убеждался, что этот человек может представить для него интерес. Прошло, однако, немало времени, прежде чем Аксель снова встретился с Гориным и принял решение о его вербовке.

Краткие данные к портрету завербованного в Ленинграде агента. Кодовое имя Девис. Составлено майором Акселем на основании четырехмесячного наблюдения:

«Горин Михаил (Григорьевич). Возраст – 38 лет. По образованию юрист. Хорошо владеет немецким языком. Происходит из старой петербургской интеллигентной семьи. Отец тоже юрист, умер в 1931 году. Мать находится на его иждивении, по его словам, – вздорная старуха, из-за которой у него произошел разрыв с женой. Живет вдвоем с матерью в отдельной квартире, в центре, на Невском проспекте. Работает юристом-консультантом в издательстве и по совместительству в Ювелирторге и в Торговом порту. Легкомыслен в отношениях с женщи-

нами. В настоящее время уверен в развитии его романа с сотрудницей консульства Л. Шарп, работа которой в этом направлении заслуживает всяческого поощрения.

Стимул агента Девиса – его убежденность, что он достоин гораздо лучшей жизни, чем та, которую он вынужден вести. Государственный строй ему неважен, так как собственных политических убеждений у него нет. Имеет определенную склонность к западной жизни, к чисто бытовой ее стороне – красивые, хорошие вещи, развлечения и т. п. Несмотря на хороший заработок (он работает в трех местах), постоянно нуждается в деньгах. Хорошо и модно одевается. Азартный картежник. Пьет умеренно, но в состоянии опьянения плохо себя контролирует. Он уверен, что Запад со временем предоставит ему красивую и богатую жизнь, хочет и будет стараться заслужить право на это. В данный момент его главный недостаток – непричастность к делам и объектам, которые нас особо интересуют. В скором будущем возможен его переход на работу, находящуюся ближе к нужным объектам. Он прилагает усилия в этом направлении.

Однако уже сейчас он дает очень полезные данные о настроениях в пестрой среде городской интеллигенции.

Резюме: перспективный агент...»

Подписывая этот документ, Аксель был уверен, что завербовал полезного и перспективного агента. Но Горин как бы не подтверждал общую концепцию, которую Аксель выработал для Ленинграда и ленинградцев. Почему он равнодушен к городу, где родился, вырос и живет всю свою жизнь?

Не город же виноват в том, что ему не выпала судьба, какой он хотел? Иногда он высказывается критически о режиме, но Аксель видит за этим лишь любовь к анекдотам, а не какое-нибудь убеждение. Все это нужно еще выяснить...

Они встречались все чаще и каждый раз в новом месте. Горин довольно быстро усваивал элементарные методы конспирации, запоминал несложный шифр для письменных донесений, технику тайнописи. Жил он на Невском, в громадном доме со сложным проходным двором, где было много закоулков, каких-то выступов, тупичков, подъезды были расположены в глубоких нишах. Аксель зашел сюда днем и долго гулял по двору.

Вечером он принес Горину домой пачку свежих немецких иллюстрированных журналов и тысячу рублей за полученную от него информацию.

В комнате юриста было уютно, горела большая лампа под шелковым абажуром. Из приемника слышалась тихая грустная музыка. В окно залетал ветерок, приносящий откуда-то запах сирени. Когда мать принесла кофе, Михаил Григорьевич представил ей Аксея:

– Мой немецкий друг, антифашист, которому, увы, нельзя жить на родине.

Мать на мгновение остановила на госте безразличный взгляд и вышла.

Они тихо беседовали, сидя на тахте, покрытой бухарским бархатистым ковром. За толстым стеклом башенных часов бесшумно и неторопливо плавал сияющий диск маятника.

Аксель смотрел на свет лампы сквозь рюмку, наполненную коньяком, и вдруг живо спросил:

– А вдруг война? Что вы будете делать?

Горин долго молчал с серьезным лицом.

– С кем война? – спросил он.

– Допустим, что с Германией.

– Буду ждать вас, – тихо ответил Горин и, вскинув голову, посмотрел на Аксея, как бы спрашивая, правильно ли он ответил.

– Но как же вы поступите со своими патриотическими чувствами?

Горин пожал плечами и, подняв брови, закрыл глаза.

– А как к этому отнесется ваша мать?

Горин удивленно расширил глаза:

– А она тут при чем? Я давно вырос из коротких штанишек.

– Для немца мнение матери равносильно закону, – сказал Аксель, отпивая коньяк.

– Очевидно, у нас этот закон отменили в революцию, – усмехнулся Горин.

Часы отбили четверть. Приглушенно шумел Невский, слышались гудки автомобилей, звонки трамваев.

– Вы любите свой город?

– Я хочу, чтобы он любил меня, – рассмеялся Горин – разговор пугал и увлекал его своей остротой.

«Гипертрофированный эгоизм», – подумал Аксель и непринужденно спросил:

– Вы любите Достоевского?

– Нет. Я прочитал «Преступление и наказание» из чисто профессионального интереса, и больше ни-че-го. У меня идиосинкразия ко всяческой психопатии, – убежденно ответил Горин, хотя на самом деле он слово в слово повторил то, что однажды в его присутствии сказал отец.

– Если бы вы судили Раскольникова, каков был бы ваш приговор?

– Оп-рав-дать! Он имел право жить без нужды.

Аксель где-то читал, что среди лиц адвокатской профессии случаются такие психологические перерождения, когда в их сознании размывается грань между стремлением оправдать конкретного преступника и преступлением вообще. Но здесь все было еще элементарнее: просто Горин уже давно готов на преступление во имя вульгарной цели – жить лучше, чем он живет теперь. Ну что ж, агент с такой внутренней пружиной тоже может сделать много.

Горин вдруг подумал, что показал себя немцу не в очень выгодном свете, и решил исправить положение. Он запустил пятерню в свои густые волосы, взъерошил их и сказал:

– Я в себе знаю столько разных характеров, типов, что мне иногда становится страшно...

– Достоевский как раз и воспел это расслоение русской души, – ответил Аксель и стал прощаться...

Краткие данные к портрету завербованного в Ленинграде агента. Кодовое имя Людмила. Составлено майором Акселем на основании полуторамесячного наблюдения:

«Настоящие фамилия и имя – Клигина Нина (Викторовна). Возраст – 28 лет. Воспитывалась в сиротском доме. Яркая, красивая внешность. Ей пророчили сценическую или кинематографическую карьеру. По окончании школы приехала в Ленинград, чтобы стать актрисой. В театральный институт не была принята. Поступила контролером в клуб кинороботников, где немедленно была замечена ее внешность. Ей обещали роли и даже законный брак, но неизменно обманывали. Тем не менее она вошла в желанный ей круг деятелей кино. В настоящее время живет одна. Имеет комнату в общей квартире. Озлоблена. Завистлива. Острый интерес к дорогим вещам. Обожает светский образ жизни, вращение среди звезд кино. В настоящее время работает помощником режиссера на киностудии. Легко сходится с мужчинами.

Использование агента должно быть осторожным, но польза от него может быть большой, учитывая неограниченную возможность ее знакомств.

Вербовка проведена со всеми формальностями при содействии хорошего знакомого Людмилы – нашего агента Девиса.

Резюме: агент со скрытыми большими возможностями».

Краткие данные к портрету завербованного в Ленинграде агента. Кодовое имя Рубин. Составлено майором Акселем на основании месячного наблюдения:

«Настоящие имя и фамилия – Соколов Геннадий (Иванович). Возраст – 29 лет. Из крестьян северной части России (район Вологды). До 1929 года отец имел сыроварню, затем ее конфисковали. Отец был лишен прав и выслан. Впоследствии он пропал без вести. Агенту в то время было 20 лет. Вместе с матерью он переехал в Ленинград, где брат матери работал

дворником. Поселились у него. Частным образом агент изучил фотографию и последние 6 лет работает в артели «Фотоателье». Часто выезжает (перспективно для нас): летом – на курорт, зимой – по вызовам – на свадьбы, похороны и т. д. (следует продумать использование его возможностей как фотографа, свободно передвигающегося по городу).

Стимул агента – жажда мести за отца. Деньги его не интересуют. Если не знать его биографии, ненависть агента к Советской власти может показаться патологической. В настоящее время активно его использовать рискованно, он легко может привлечь к себе внимание советской политической полиции. На этот счет ему сделано строгое разъяснение.

Резюме: в ситуации крайнего порядка агент Рубин может оказаться неоценимым».

Консул Зоммер не одобрял завербованных Акселем агентов – он вообще всех русских считал ненадежными.

– Я немного начинаю верить человеку, только узнав, что в его жилах течет немецкая кровь, – говорил он.

– Теперь, когда Германия вышла на мировую арену, для нашей разведки нет ничего опаснее, как считать достойными доверия одних лишь немцев, – возражал Аксель. – В критической ситуации все ваши чисто немецкие кадры всплывут на поверхность, потому что каждый воробей в городе знает, что они немцы.

– Среди моих агентов, дорогой друг, немало рабочих, приехавших сюда из Германии, чтобы помочь своим братьям по классу строить мировой коммунизм. Жена Цезаря вне подозрений.

– Не забывайте, мой друг, что Цезарь человек неглупый, и, во всяком случае, он умнее своей жены, – парировал Аксель...

Но Зоммер не сдавался и однажды, чуть улыбаясь, торжественно вручил Акселю шифровку из Берлина:

– По вопросу нашего бесконечного спора имеете, коллега, элегантную зубочистку. Поздравляю...

«Людмилу не закрепляйте и не развивайте. При решении стоящих перед вами великих задач вряд ли следует опираться на проститутку», – прочел Аксель.

– Вы радуетесь преждевременно, – не скрывая злости, сказал он консулу.

– А я и не радуюсь вовсе, – ответил Зоммер. – Я просто считаю свои кадры более надежными.

Вечером Аксель отправил в Берлин шифровку:

«На № 08/1503

Позволю себе опротестовать ваш 1503. Проституции в нашем понимании здесь нет, а таких женщин, как мой объект, множество. Особенно возле разнообразного мира искусства. Как правило, это неудачницы в профессии, пытающиеся возместить это близостью с людьми мира, не принявшего их в свою производственную сферу, и теперь достигаемую ими путем доступности чисто женской. Как всякая доступная женщина, и эта тоже втайне нелегко переживает, что ее жизнь не удалась, ей не стать ни женой, ни матерью. Здесь же это обостряется прямолинейной до самозабвения пропагандой, утверждающей с каждого забора, по радио и в печати, что тебе открыты все дороги и достижимы любые цели. Более того, она очень ясно и для себя больно видит, как другие женщины действительно достигают многого, между тем как ничем особенным они не отличаются...»

«...Одни с этим смиряются, покидают отвергнувший их мир, и уходят в общую неприметную жизнь, и, может быть, находят там счастье. Другие, как, например, наш объект, цепляются за избранный мир любым способом, но здесь коммерческой торговли телом нет. Здесь удовлетворение духа крайним способом. Вербовку объекта я строил на встречном движении.

Пункт 1. Вы достойны иной жизни.

Пункт 2. В том, что вы влачите недостойную вас жизнь, виновато общество, которое только прокламирует внимание к человеку.

Пункт 3. С этим обществом вы можете вступить в борьбу. Тайная деятельность возвысит вас над всеми, кто вас сейчас унижает.

Пункт 4. Если произойдет изменение общества, и, возможно, не без нашей помощи, ваша судьба изменится в корне. Те, кто сейчас командует вами, превратятся в ничтожество.

Объект прошел через все эти пункты, нигде не вступив с ними в спор и приняв их суть как должное. А если у объекта возбудить гнев и указать для этого гнева адрес, агент сможет быть нам крайне полезен во всех ситуациях, в том числе и в критической. Наконец, уже сейчас мы можем управлять ее знакомствами, и это открывает неограниченные возможности».

Спустя несколько дней в консульство пришла шифровка:

«Возражение против Людмилы снимается...»

Наступил день, когда написанный Акселем меморандум консул отвез в Москву, оттуда он дипломатической почтой был переправлен в Берлин.

Аксель трогательно простился с сотрудниками Эрмитажа и пароходом выехал домой...

Глава вторая

Приезжая в абвер, Аксель заходил в оперативный зал, где в этот утренний час у карты собирались офицеры. С первого дня войны адмирал Канарис завел у себя на Тирпицфер атмосферу подчеркнутой сдержанности. Однажды – это было значительно раньше, когда немецкие войска гнали англичан к обрывистому берегу Дюнкерка, – Канарис застал у карты офицеров, которые говорили о ходе войны с восторженной экзальтацией. Адмирал властно поднял руку, и в наступившей мгновенно тишине отчетливо прозвучал его негромкий, чуть гортанный голос.

– Так можно вести себя лишь на скачках. На полях войны гибнут немцы, которые в отличие от вас не наблюдают ее из окна...

Он вышел, ступая на каблуки сапог, – так он ходил, когда очень сердился...

С тех пор в оперативном зале абвера всегда стояла чинная тишина, и эти утренние собрания у карты шутники прозвали «утренней молитвой»...

Сегодня на «утренней молитве» Канарис сделал Акселю знак подойти. Адмирал, который был на две головы ниже Акселя, неловко взял его за локоть и повел в глубь зала.

– Я хочу вернуться к вашему меморандуму о Ленинграде, – сказал он. – Возьмите прочитайте его свежими глазами и в тринадцать ноль-ноль зайдите ко мне... – Адмирал уходил чуть качающейся походкой моряка – коренастый, плотный и коротконогий, увенчанный крупной седеющей головой...

Аксель спустился на лифте в подземный этаж, где помещался архив. Пока искали нужную папку, в его голове одно за другим мелькали предположения: зачем понадобился меморандум?.. Ничего плохого в этом быть не может, он уверен, что тогда в Ленинграде не только собрал важную информацию о городе, но старался ее осмыслить и раскрыть опасные особенности этого города.

Голос в радиорепродукторе трижды произнес его фамилию и пригласил пройти в зал номер два к столику номер тринадцать.

В залах абверовского архива столики стояли в каком-то странном беспорядке. Но это только казалось беспорядком – они стояли так, что работающий за одним столом не мог видеть того, что находилось на соседних.

Еще издали Аксель узнал на своем столике знакомую синюю папку с торчавшей из нее сопроводительной карточкой оранжевого цвета.

Аксель стал листать бумаги и вдруг от неожиданности широко раскрыл глаза – перед ним была страница, сверху донизу отчеркнутая жирной чертой синего карандаша. Специальный приказ Канариса запрещал работникам абвера оставлять на документах какие бы то ни было следы. Что же это такое? Кто это сделал?

Аксель быстро перелистал папку до конца – синим карандашом был отчеркнут весь последний раздел документа: «...Некоторые замечания психологического характера».

Аксель сосредоточился и начал неторопливо читать этот раздел:

«Для жителей Ленинграда характерна обостренная любовь к своему городу, гордость за свою принадлежность к нему. Это своеобразный местный патриотизм, заставляющий их даже вести себя по-особому. Спор между ленинградцем и москвичом о том, чей город лучше, стал традиционным. Для ленинградца сомнений на этот счет не существует.

Ленинградцы считают свой город самым красивым в мире. (От себя замечу: повидав многие города мира, я не нахожу равного Ленинграду.)

Ленинградцы считают свой город самым интеллигентным. (Замечу, что действительно ленинградская толпа выгодно отличается, скажем, от московской.)

Ленинградцы считают свой город святыней революционной истории своего государства. (Напомню, что именно здесь совершилась пресловутая русская революция.)

Ленинградцы считают свой город живым памятником всей русской истории. (Действительно, Ленинград – это бесчисленное множество памятников истории России, в том числе прекрасных и бесценных.) Любопытно, что официального культа памятников истории здесь не наблюдается. Более того – даже царские дворцы или музей Эрмитаж находятся в довольно запущенном состоянии».

Аксель заглянул в самый конец раздела и вспомнил, как, делая выводы, он вымучивал тогда каждое слово, как смертельно боялся переоценить важность собранных в этом разделе фактов и оказаться в чьих-то глазах плохим наблюдателем, а значит, и плохим разведчиком. Он прочел отчеркнутое еще раз, стараясь представить себе, что читает чужое. Нет, все написано точно, даже хорошо, и все это очень, очень важно, особенно сейчас, когда немецкие войска рвутся к Ленинграду.

Но он не мог успокоиться – синий карандаш вселял большую тревогу, и он задумался над последней фразой своего меморандума: «Если понадобится создать в Ленинграде сильную „пятую колонну“, сделать это будет очень трудно...»

Ровно в час Аксель вошел в кабинет Канариса и остановился у дверей, увидев сидевшего в кресле начальника генерального штаба генерал-полковника Гальдера.

– Идите, идите сюда, – пробасил Гальдер, показывая на свободное кресло напротив себя.

Аксель сел в низкое кресло, держа на задранных коленях папку.

– Значит, вы действовали в Мадриде? – спросил генерал. – Великолепная работа! Я бы на месте генералиссимуса Франко среди памятников, поставленных им самому себе, один воздвиг бы в честь вашей «пятой колонны». А? – Гальдер обернулся к Канарису и басовито рассмеялся, показав подозрительно белые зубы.

Канарис безразлично рассматривал свои короткопалые руки, лежавшие на столе.

– То, что мы применили в Испании, – продолжал Гальдер, – было тогда образцом тактической новинки. Девиз «Барбароссы» – тотальность. Однако наша священная обязанность – сделать все, чтобы не стали тотальными и наши потери. Вы долго жили в России? – спросил Гальдер, уставившись на Акселя водянистыми, светлыми глазами.

– Семь месяцев. – Внутреннее напряжение Акселя росло в ожидании развязки разговора.

– Немало, немало... – сказал генерал и, опустив тяжелые веки, замолчал.

В это время в радиоприемнике, приглушенно работавшем за спиной у Канариса, послышался фанфарный сигнал, предшествовавший передачам с Восточного фронта.

– Прибавьте, – попросил Гальдер.

Военный корреспондент говорил непосредственно из перевалочного лагеря для русских военнопленных...

– Я спросил у наших офицеров, сколько здесь русских, они не могли ответить, сказали: «Считайте сами...» – Голос замолчал, из приемника слышался ровный звук, будто кто-то непрерывно стонал на одной унылой ноте. Потом корреспондент с помощью переводчика брал интервью у пленных. Все они говорили, что война Советским Союзом уже проиграна, и выражали радость, что остались живы и попали в культурный немецкий плен...

Гальдер приподнял руку, и Канарис убавил звук.

– Это те русские, которых вы знали в Ленинграде? – спросил генерал.

Аксель ответил не сразу.

– Мне кажется... наша пропаганда... не очень... – сказал он уклончиво, хотя хорошо знал, что при Гальдере можно сколько угодно ругать пропаганду.

– Э-э, оставим это, – поморщился Гальдер. – Наше дело – сама война.

– Но ведь это опасно и для нашего солдата... – более уверенно продолжал Аксель. Видя, что Гальдер ждет какого-то разъяснения, прибавил: – Я читал досье по Бресту – слишком много

эмоций, непонимание обстановки и непомерное удивление, что русские не сразу капитулировали. Надо хотя бы немного знать характер противника.

– А вы знаете его характер? – прищурился Гальдер.

– Во всяком случае, я знаю, что в России давно романтизируется пограничная служба, что их пограничные войска должны драться особенно упорно.

Тяжелые веки Гальдера вздрогнули.

– Мы приближаемся к Москве и Ленинграду, обе цели грандиозны, – негромко сказал он. – О Ленинграде есть разные мнения. Фюрер сказал как-то, что землю, на которой стоит Ленинград, следует вернуть морю... Есть другое мнение – сохранить этот город как декорацию. Как декорацию, – многозначительно повторил Гальдер. – Я читал ваш меморандум. Сейчас вы ничего не хотели бы в нем изменить?

– Разве что нашел бы какие-нибудь более точные слова, – ответил Аксель.

– Этим вы займетесь, когда будете писать мемуары. А пока у меня к вам практический вопрос. Вы пишете, что очень трудно создать там «пятую колонну». Но не договариваете до конца – беретесь вы за эту затею или ее надо оставить. А? – Гальдер повернулся к Канарису.

– Мы занимаемся этим, – бесстрастно ответил Канарис. – Но нельзя нашу задачу рассматривать в отрыве от того, что делает армия. Вы же понимаете, что поднять город против самого себя можно только в атмосфере паники и страха. Именно в этот момент армия должна взломать двери города, как это было в Мадриде.

– Но когда взломаны двери, в дом входят посторонние люди... – сказал Гальдер и посмотрел на Канариса.

– Весь вопрос, сколько посторонних осталось лежать за порогом дома. Тотальные потери могут превратить победу в поражение, вы знаете это лучше меня... – спокойным, ровным голосом ответил Канарис.

Аксель затаив дыхание слушал их разговор, он прекрасно понимал, что именно сейчас решается его судьба.

– Я хочу одного – ясного представления о ваших возможностях, – отдельно и громко сказал Гальдер.

– В ближайшие два-три дня мы представим вам исчерпывающий документ... – ответил Канарис.

Когда Гальдер, тяжело поднявшись с кресла, ушел, Канарис долго молчал, разглядывая свои руки, щурил глаза. И наконец спросил:

– Все-таки трудно или невозможно?

– Трудно. Очень трудно, – негромко ответил Аксель. – На Мадрид похоже не будет.

Канарис встал и начал ходить вдоль стены, скрытой плотным занавесом, за которым висела огромная карта мира.

– Вам ясно стратегическое значение Ленинграда? – Адмирал остановился и взглянул вверх, туда, где на карте, за занавесом, был обозначен Ленинград.

– Да. И я читал записку фюреру генерал-фельдмаршала фон Лееба.

– Прекрасно... – Канарис снова мягко вышагивал по ковровой дорожке, вдоль стены. – Значит, вы понимаете, что означает для Германии не взять Ленинград. Не взять?! – вдруг громко спросил он и остановился. Высоко подняв голову и грозя пальцем, он повторил: – Не взять! Не!.. – И после выразительной паузы спросил: – Вы не хотели бы изменить вывод в своем меморандуме?

– Нет, – встал и вытянулся Аксель.

– Даже если бы вы знали, что на основании вашего вывода может быть отменен наш удар по Ленинграду?

– Ленинград будет взят общими усилиями – армия и мы. Как в Мадриде.

– На что же вы надеетесь? – спросил Канарис, шагая вдоль стены.

– На пророческое указание фюрера, однажды легкомысленно подвергнутое мною сомнению, – ответил Аксель, провожая взглядом шефа.

Канарис остановился и непонимающе, выжидательно смотрел на него.

– Государство в час больших потрясений слепнет и глохнет. Помните, как в Испании я попытался противопоставить этому опасность риска, а вы посоветовали мне поверить фюреру?

– Да, да, именно это... – словно про себя сказал Канарис. Он повернулся к стене и отдернул занавес. Взяв указку, адмирал издала нацелился на пятно, где крупными буквами было написано: «Петербург».

– Учитывая особенность города, – говорил Канарис тоном лектора, – все будет решать быстрота и смелость действий, начатых в точно избранный момент... в точно избранный момент, – повторил Канарис. И продолжал: – Группа «Север» будет наступать на город всей своей мощью. Ей будет придана часть войск группы «Центр». Накануне вашего дня город будет подвергнут тотальной обработке артиллерией и с воздуха. На плечах паники вы поднимете свои силы и добьете то, что еще будет сопротивляться в самом городе. Повторяю: темп, смелость и точно выбранный час.

– Я готов выполнить это задание, – сказал Аксель твердо, без всякого пафоса.

– Вот вы и дождались своего дела, – сказал адмирал и, подойдя ближе, пожал локоть Акселя. – Немедленно свяжитесь с офицерами первого и второго отделов, они в разное время занимались Ленинградом. Все, что у них найдется полезного для себя, забирайте.

– Мы будем действовать параллельно? – спросил Аксель.

– Их дело – каждодневная разведка и диверсии в советском тылу непосредственно для фронта, и это, так сказать, фон для вашей деятельности. Их силы для вас непригодны, агентура у вас должна быть своя, особо надежная и умелая.

– Меня тревожат сроки, вот-вот падет Новгород, – сказал Аксель.

– Он должен был пасть двенадцать дней назад, – ответил Канарис и закончил: – Действуем по нашему старому принципу – неторопливая быстрота. Но надо сделать все, чтобы вы вовремя заняли исходную позицию в городе.

Канарис уже пошел к столу и вдруг повернул обратно:

– Да, совсем забыл: должен поздравить вас с получением звания полковника. Очень рад за вас... – Он не подошел, однако, чтобы пожать руку Акселю, а только приветственно взмахнул рукой. Впрочем, в абвере все знали, что Канарис званиям не придает особого значения...

Глава третья

Пятнадцатого августа 1941 года немцы заняли Новгород.

Над городом клубился черный дым. Он медленно таял в ясном голубом небе. Еще слышалась стрельба на восточной окраине города. На базарную площадь только что согнали пленных, взятых в бою за город. Над старинными церквями, пронизывая дым, с тревожным криком летали тучи галок. Улицы, по которым несколько минут назад пронеслись серо-зеленые автомобили и гремучие мотоциклы, точно вымерли – ни единой живой души, куда ни посмотри.

Командующему группой армий «Север» генерал-фельдмаршалу фон Леебу не терпелось посмотреть на первый взятый им большой русский город.

Фельдмаршал ехал в огромном открытом «майбахе» с далеко выдвинутым вперед мощным мотором и скошенным задом. Когда автомобиль передними скатами начинал осторожно сползать в дорожную яму, тяжелое тело фельдмаршала тоже сползло с кожаного сиденья, и тогда он сердито подбирал ноги и снова садился очень прямо, высоко держа массивную голову.

Фельдмаршал настороженно, с каким-то жгучим интересом смотрел на деревянные дома, которые казались ему бедными и некрасивыми. На длинные дощатые заборы. На незнакомые цветы, глядевшие из маленьких окон. На визгливо лаявшего щенка, бежавшего за машинами. На голубей, сидевших на коньке крыши.

«И это Россия?» – спрашивал себя фельдмаршал...

Рядом с фельдмаршалом, почтительно от него отодвинувшись, сидел молодежавый полковник с красивым смуглым лицом. В окружении фельдмаршала шутили, что фельдмаршал приблизил Кристмана за редкую мужскую красоту, а всерьез говорили, что нет ничего страшнее хитрого адъютанта у злого генерала. Кто знает, может быть, фельдмаршал, чье массивное, обвисшее лицо было очень некрасивым, только для того и держал при себе этого полковника, чтобы постоянно напоминать всем, как дешево стоит по большому военному счету мужская красота...

Сейчас, после бессонной ночи, глаза у красивого полковника были сонными. Выполняя приказ командующего, он уже вторые сутки подбирает карты местности, пройденной группой армий «Север», – фельдмаршал хочет выяснить, где, в каких сражениях были допущены просчеты, сорвавшие первоначальный план наступления. Полковник боролся с дремотой, но продолжал внимательно следить за фельдмаршалом.

Фон Лееб повернулся к нему и сказал, подтягивая для изображения улыбки отвисшую нижнюю губу:

– Если все русские города такие, не стоило начинать эту войну.

– Отсталая страна, – с готовностью отозвался Кристман.

– Но почему они так хорошо дерутся за эти деревянные лачуги? – вдруг повысил голос фельдмаршал и сердито посмотрел на полковника, как будто тот отвечал за то, что русские дерутся упорно. Кристман счел за лучшее промолчать.

– И совсем не такой уж большой город, – продолжал ворчать фон Лееб. Он приподнялся и оглянулся назад – там в клубах пыли поблескивали лакированные спины машин, в которых ехали генералы и чины поменьше.

Машину резко встряхнуло, и фельдмаршал обрушился на сиденье. Он уже открыл рот, чтобы разразиться бранью, но в это время из-за поворота вдруг точно всплыла на зеленой волне косогора белоснежная церковь. Вместе с черным дымом она повторилась в реке.

– Остановитесь, черт бы вас взял! – крикнул фон Лееб.

Вся вереница машин постепенно остановилась. Спины машин, еще недавно сиявшие на солнце, потускнели, покрылись густой дорожной пылью.

Фельдмаршал смотрел на церковь.

– Очень красиво. Феноменально! – сказал он. – Черный дым – это война, а церковь – бог среди войны. А? – Он взглянул на адъютанта и, не дождавшись ответа, отвернулся – что может думать о боге этот красивый полковник, у которого в душе, кроме Гитлера, никакого бога нет? Сам фон Лееб – ревностный католик. Гитлер за это недолюбливает его или, точнее сказать, недолюбливал... Все знают об их разговоре во время назначения фельдмаршала командующим группы войск «Север».

– Мне рассказывают, что вы скорее католик, чем военачальник, – полушутя-полусерьезно сказал тогда Гитлер.

– Чем больше я католик, тем больше военачальник, – ответил фон Лееб. Фюреру не осталось ничего иного, как заявить, что он уважает любую убежденность, если она на пользу возрожденной Германии...

Вот почему сейчас никто в свите не позволил себе даже улыбнуться тому, что командующий застыл перед русской церковью.

Вдруг, разорвав черную пелену, низко-низко над машинами с воем пронесся самолет. Кто-то успел крикнуть: «Ахтунг!», но этот крик покрыл дружный смех, все видели, что это был пассажирский «юнкерс», идущий на посадку.

Фон Лееб вялым жестом руки приказал ехать дальше, но вскоре на боковой, тенистой улице по сигналу мотоциклистов эскорта машины снова остановились.

«Майбах» командующего стоял перед красным кирпичным зданием, на котором скобочилась вывеска «Аптека». Подбежавший на носках квартирьер штаба распахнул широкую дверь «майбаха» и протянул руку командующему:

– Прошу, господин фельдмаршал, это ваш временный дом, только на сегодня.

Первым человеком, которого принял в Новгороде командующий, был полковник Аксель.

Фельдмаршал сидел в небольшой комнате за ломберным столиком в вольтеровском кресле. У стен стояли сдвинутые аптечные прилавки. Было очень тесно. Фельдмаршалу некуда было деть ноги, он вытянул их в сторону и потому сидел боком. Войдя, Аксель растерялся, не зная, где ему стать, чтобы быть перед глазами командующего. Фон Лееб молча кивнул на табурет, стоявший у окна.

– Что вам нужно, полковник? – устало и тихо спросил фон Лееб.

Своими выцветшими, светлыми глазами он рассматривал чистенькую полковничью форму Акселя. Фельдмаршал ненавидел штабных чистюль, но сейчас перед ним стоял офицер абвера, службы особой, и он должен был ему помочь – об этом специально просил Берлин...

– Очень много, господин фельдмаршал, – почтительно наклонившись вперед, ответил Аксель. – Начиная с помещений, которые удовлетворяли бы нашим специфическим требованиям, и кончая солдатами для его охраны. Транспорт, связь...

– Одну минуточку, – остановил его командующий. – Где-нибудь тут, за дверью, находятся мой адъютант и мой стенограф. Пригласите их, пожалуйста...

Аксель продиктовал стенографу свои давно продуманные требования. Фельдмаршал приказал немедленно расшифровать продиктованное и поставить на перечне его гриф.

– Ничего не позабыли? – спросил он. – Я обещал Берлину сделать все, что вы попросите...

Когда стенограф вышел, фельдмаршал вдруг неожиданно спросил:

– Вы действительно поможете нам в Ленинграде?

– Надеюсь...

– Что? – переспросил фельдмаршал, приставляя к уху ладонь: в свои шестьдесят пять лет он уже неважно слышал.

– Надеюсь, что мы поможем армии, – громко сказал Аксель.

Фельдмаршал кивнул и сказал тихо, будто про себя:

– Русские воюют лучше, чем мы думали.

– Тем грандиозней ваши успехи, – убежденно возразил Аксель.

Фельдмаршал удивленно посмотрел на него:

– Если бы вы состояли при мне, я разжаловал бы вас за беспардонную лесть, – сказал он серьезно. – К вашему сведению, я не выполняю приказа фюрера ни по срокам, ни по результатам. Это – имея перед русскими огромное преимущество в силе! Должен заметить, что информация о слабой приверженности русских к своему политическому режиму оказалась явно ложной. Кто-то за это ответит... – Розовые, с сеткой прожилок, обвисшие щеки фельдмаршала чуть вздрогнули в усмешке: – Не адмирал ли Канарис?

Аксель после благоразумной паузы сказал:

– Еще два года назад я сообщал из Ленинграда, что в случае войны борьба за этот город легкой не будет.

– Интересно – почему? – поднял клочковатые брови фельдмаршал.

– Русские, как и все нормальные люди, – патриоты своей страны, а Ленинград для них еще и символ истории, – ответил Аксель.

– Странно, что за этот символ они начали бороться еще в районе Шяуляя, – ворчливо заметил фон Лееб.

Фельдмаршал, склонив голову к плечу, смотрел на Акселя – поза была ироническая, а глаза смотрели требовательно и ожидающе. Он подождал, пока абверовский полковник ответит, но, не дождавшись, спросил:

– Сколько ваших людей будет действовать в Ленинграде?

– Десять – двенадцать.

– Только-то? – удивился фельдмаршал. – Гальдер обещал мне нечто гораздо большее. Мы уже понесли непоправимые потери и обязаны взять этот город малой кровью. – Он сделал ударение на слове «малой» и сердито засопел.

– Осмелюсь сообщить вам, господин фельдмаршал, – осторожно начал Аксель. – Нас, начинавших дело в Мадриде, было еще меньше. А когда пришел срок действовать, город был сбит с ног. Удар наносили, конечно, уже не мы, а созданная нами ныне уже знаменитая «пятая колонна».

– Может быть, может быть, – проворчал фельдмаршал и вдруг с новым оживлением спросил: – А кто же эти, с которыми вы начнете дело в Ленинграде? Немцы?

– Нет, господин фельдмаршал, это русские.

– Ру-усские! – удивленно протянул фельдмаршал. – Из пленных? Да они продадут вас за пфенниг.

– Мы взяли русских из среды старой русской эмиграции, они жили у нас в Германии. Выбрали наиболее надежных.

– Может быть... может быть... – Фельдмаршал закивал седой головой. Видимо, ему хотелось поговорить обо всем этом с человеком со стороны. – А здешние русские – нечто необъяснимое. Я допрашивал одного. Он даже не понимал, с кем он говорит. Все мы слепые и жалкие слуги войны, а он, видите ли, борец за счастье человечества. Кошмар какой-то... – И вдруг без всякой логики фон Лееб добавил: – Я хотел бы видеть своих солдат такими же фанатиками.

– По всем рассказам, наши солдаты воюют бесстрашно, – осторожно возразил Аксель.

Выцветшие глаза фельдмаршала вдруг потемнели, узловатая рука, лежавшая на ломберном столике, свернулась в кулак.

– Хотите правду? Когда противник смят техникой, наши бесстрашны. Когда противник проявляет упорство, наши начинают проявлять дьявольскую предусмотрительность. – Фельдмаршал встал и, заложив руки за сутую спину, прошелся вдоль аптечного прилавка. Он остановился перед Акселем, который, стараясь не показать поспешности, тоже встал.

– А русские идут на наши танки с ручными гранатами. Берут вот так гранаты, прижимают к животу и бросаются под танк... – Фон Лееб показал, как это делают русские: прижал ладонь

к своему выпуклому и обвисшему животу. – Вы знаете об этом? А если знаете, сообщили об этом фюреру?

– Все равно Россия обречена, – ответил Аксель, ничем не выдавая своего отношения к словам фельдмаршала.

– Тогда торопитесь в Ленинград, – равнодушно посоветовал тот.

В это время приглушенно заворчал стоявший на окне телефон и показавшийся в приоткрытой двери адъютант тревожно сообщил, что с командующим срочно хочет говорить его начальник штаба.

Фон Лееб сделал шаг к окну, взял трубку, зачем-то внимательно ее осмотрел и наконец приложил к уху.

– Слушаю, – сердито произнес он и затем надолго умолк, но лицо его перестало быть равнодушным, он смотрел на Акселя так, точно приглашал разделить с ним свое удивление. – Хорошо. Согласен... – наконец сказал он и, швырнув трубку на подоконник, насмешливо снизу вверх посмотрел на Акселя: – Хотите услышать новость, полковник? В районе Старой Руссы русские начали контрнаступление. Я сейчас санкционировал приказ повернуть туда часть своих сил, прервав их движение к Ленинграду. Надеюсь, что вы поспешите в Ленинград и предоставите мне возможность однажды доложить фюреру о том, как хорошо вы мне помогли. Желаю успеха...

На другой день подразделению Акселя были переданы несколько небольших домов на тихой окраинной улице Новгорода. Зона, где находились эти дома, была обведена двойным рядом колючей проволоки. С обеих сторон улица была закрыта, а у перекрестка появились проходная будка и ворота.

В одном доме поселились русские. В другом – немцы. Аксель со своим адъютантом лейтенантом Цвигелем занял отдельный домик, стоявший в густом саду. В просторном доме рядом расположился узел связи. От него во все стороны протянулись провода. В каменном сарае у ворот был оборудован гараж на две легковые машины.

Особое подразделение абвера под кодовым названием «ФАК-104» начало действовать. Буквы и цифры его названия означали, что оно причислено к «Абвер-команде-104» и является ее филиалом. Но причисление это было настолько формальным, что даже начальник «Абвер-команды-104» подполковник Шиммель долгое время не имел представления о том, чем занимаются Аксель и его люди.

Глава четвертая

Русские агенты подразделения «ФАК-104» собрались в доме, которому было присвоено название «оперативный зал». Дом этот совсем недавно был жилым, и в нем еще ничего не было сделано для превращения его в служебное помещение. Судя по всему, его обитатели бежали в последний момент, вещи нетронутыми остались на своих местах, и казалось, что вот сейчас кто-то войдет с улицы или выйдет из другой комнаты, что агенты абвера пришли в гости и ждут, когда придут хозяева.

Участники совещания сидели в просторной, высокой комнате на стареньких, затертых венских стульях за овальным дубовым столом. Суровая скатерть, аккуратно сложенная, лежала на буфете.

Аксель сидел в плетеном кресле, удобно облокотившись на гнутые ручки, и, улыбаясь, рассматривал поверхность стола – вся она была в рубцах и пятнах. Он оглянулся назад, где по бокам громадного буфета висели два портрета: чопорной дамы в белой кофточке со сложной конусообразной прической и усатого мужчины в каком-то мундире.

– Ну что же, вот вам русский дом, пожалуйста... – сказал Аксель. – Дом еще полон русского духа, но мы чувствуем себя здесь прекрасно и начинаем заниматься своими делами. Такие же русские дома и там, в Ленинграде. И мы сейчас на практике убеждаемся в правильности гениальной мысли нашего фюрера о том, что в пору больших потрясений государства слепнут и глохнут. Раньше я наблюдал это в Мадриде...

Аксель начал рассказывать о своей работе в Испании.

– Все было очень просто, – говорил он. – Ничего особенного я там не делал, встречался с людьми, соблюдал конспирацию. Вот и все. Я был обыкновенным постояльцем отеля, может быть, коммерсантом, а может быть, журналистом. И у того и у другого работа состоит в том, чтобы встречаться с людьми. Вот я и встречался...

Аксель избрал умышленно такой упрощенный рассказ, отлично понимая, что значила для этих русских уверенность в успехе предстоящей им работы. Он должен был любыми средствами вселить уверенность в сидящих перед ним людей.

Выпрямившись, как манекен, с выпяченной грудью и отведенными назад покатыми плечами, слушает Акселя полковник Александр Иванович Мигунов. Этот пятидесятилетний, но, казалось, совершенно не тронутый временем, умный и сдержанный мужчина был понятен и близок Акселю. До русской революции он делал блистательную карьеру при генеральном штабе. Революция выбросила его за границу, но он не оказался, как другие, в пучине морального разложения, понял, где ему нужно быть, и поселился в Германии, отдав все свои знания и силы немецкой армии, точнее – ее военной разведке. Он ненавидит большевиков, и его ненависть конкретна и тоже понятна. Отец полковника владел в России огромными земельными угодьями. Революция отняла все. А когда старик попытался с помощью охотничьего ружья защищаться от мужичья, они повесили его перед домом на вековой липе, посаженной прадедом. Полковник говорит, что отцовская земля ему не нужна, он не хочет начинать все сначала, но хочет тоже использовать ту же самую липу как виселицу... Рядом с Мигуновым сидит, потирая выбритую до глянца голову, крепко сколоченный, плечистый Никита Чепцов. Его отцу в Питере принадлежали доходные дома, баня, и он хочет их теперь получить... Григорий Жухин родом из Харькова, там находятся завещанные ему старшим братом два кинотеатра, но он прекрасно понимает, что его путь в Харьков лежит только через поверженный Ленинград, и поэтому сделает все, что ему прикажут.

Все они считают, что слишком много и долго страдали в изгнании, и месть тем, из-за кого они стали нищими странниками по чужим землям, стала для них главным смыслом жизни.

Акселю очень нужно внушить этим людям, что все будет так же просто, как это было у него в Мадриде, – надо будет только встречаться с нужными надежными людьми и соблюдать строжайшую конспирацию. Наступление немецких армий развивается, а это значит, что с каждым днем паника в городе будет увеличиваться, она развалит жизнь города, расколется его население, и очень многие из тех, кто сегодня для рейха опасен, завтра будут выполнять все приказы его командования.

– Уверяю вас, основной характер действий в Мадриде и здесь один и тот же, – энергично продолжал Аксель. – Есть, однако, чисто национальные особенности населения этих городов. Испанцы народ беспечный, непроходимо темный и ужасающе бедный. На все это я и делал ставку. Люди, живущие в Ленинграде, совсем не беспечны. Наоборот, они излишне и нервно подозрительны. Но отсюда для нас простой вывод – всячески улучшать конспирацию. В культурном отношении население Ленинграда неизмеримо выше. Для испанца деньги и коррида – все, за них он готов отдать душу. Для ленинградца, во всяком случае, я думаю, для большинства и особенно теперь, материальный вопрос не существует. Ленинградцев волнует нечто большее, о чем мы с вами уже не раз говорили и о чем все читали в моем меморандуме.

Рассказывая, Аксель внимательно наблюдал за своими слушателями, старался понять состояние каждого. Но все одинаково напряженно и внимательно слушали его. Разве только Максим Михайлович Браславский был погружен в какие-то свои мысли, он слушал, закрыв ладонью высокий, красивый лоб. Этот русский был не похож на других, и Аксель уже давно наблюдал за ним с любопытством – у Браславского в России не было никаких материальных интересов, вместо этого он нес в себе сильный заряд тщеславного желания стать в будущей России крупным деятелем.

Аксель предложил задавать вопросы, надеясь, что, может быть, в этом несколько приоткроется настроение его людей. Но вопросов не было. Все агенты прошли достаточно тщательную и многостороннюю подготовку, чтобы сейчас, накануне операции, не спрашивать ни о чем, что касалось сути предстоящего им дела.

– В тактической разработке приводятся два способа вербовки в «пятую колонну», – вдруг жестким, въедливым голосом сказал Есипов. – Один способ – с помощью наших агентов, находящихся в городе. Другой, так сказать, самостоятельный, идущий, как сказано в разработке, по геометрической прогрессии. Вот в этой прогрессии я одновременно вижу прогрессирующий риск...

– Оба способа вербовки нельзя рассматривать в отрыве один от другого, – ответил Аксель. Он не хотел дать Есипову изложить свои опасения более подробно. – Их лучше рассматривать как идущие одна за другой стадии одной и той же вербовочной работы. Сначала, естественно, вербовка идет по указаниям агентов, так вы вербуете, скажем, десять человек. Но затем каждый из этих десяти разве не может дать нам людей из близкой ему среды, и таких, за которых он поручится?

Есипов слушал и медленно кивал лысой головой, но потом сказал:

– Я не об этом, господин полковник. Нам приводили статистику, что там каждый пятый взрослый человек – секретный агент НКВД. Разве можно не считаться с этой статистикой, когда завербованные люди дадут нам прирост хотя бы в двадцать человек?

– В ваших условиях, господин Есипов, есть элемент демагогии, – ответил Аксель. – Вы словно забываете, что данные средней статистики нельзя прикладывать к группе специально отобранных людей, специально, понимаете? Здесь соотношение может быть уже один к ста.

– Но ведь с нами будут действовать более ста людей, – невозмутимо уточнил Есипов.

– Я понимаю ваше беспокойство, – ответил Аксель, – и хотел бы предложить вам, господа, разговор, откровенный до конца. Мы не можем гарантировать вам, что на время вашей деятельности русская контрразведка прекратит свою опасную для нас работу. Да, господа, жизнь разведчика полна опасностей, но от вражеской разведки у нас есть надежная защита – бди-

тельность и хорошая конспирация. Если мы будем помнить это, нам не надо будет заниматься софистикой подсчета вероятного засорения нашей среды вражескими агентами, нам надо будет только бороться с ними.

Аксель закрыл совещание, вышел в сад и сел на скамью под раскидистым дубом. Было безветренно и душно. На черном небе блекло проглядывали звезды. Где-то далеко на востоке чуть слышно ворчала война. В соседнем саду слышались веселые голоса немецких солдат. Они там готовили баню, рубили дрова, хохотали и не знали, как будут мыться в этой бане... «Вот оно, величие новой Германии! Одно слово фюрера – и его солдаты уже глубоко в России, ни трудности, ни кровь, никакая сила не может остановить того, что происходит, – самая великая из войн стальным валом катится по равнинам России. Здесь делается новая история человечества...» – думал Аксель, в душе у него поднимался горделивый экстаз, комок подкатил к горлу...

Он встал и пошел по еле приметной дорожке, под ногами у него шуршали опавшие листья. Сучья цеплялись за голову, идти согнувшись было неудобно, нелепо...

Он вернулся к скамейке, сел, закурил сигарету и стал снова думать о великих событиях, о великом фюрере, великой Германии и ее солдате, о своем участии в великой победоносной войне...

Из ленинградского дневника

Попал в Ленинград по северной дороге, через Тихвин и Мгу¹. Прямая дорога уже перерезана врагом. Ехали долго, часто останавливались. Тревожные отрывистые гудки паровоза, вопли «Во-о-здух!». Почти все бежали в поле.

Очередная остановка в лесу – появились самолеты. Черные кресты на крыльях. Я уже видел их в Риге, но на этот раз самолеты были видны как-то особенно ясно – горбатые, спереди блестят стекла и струятся круги от винтов, на крыльях – кресты. Они летели низко, наверняка видели наш поезд, но почему-то не бомбили и не обстреливали. Мы стояли и смотрели на них. Поражала мысль, что там, в кабинах самолетов, – люди, что они сейчас смотрят оттуда на нас и что у них сейчас одна мысль – как поскорее нас убить. А ведь они знают нашего Пушкина, а мы – их Гёте. И наконец, поразительно, невероятно, что все это происходит в XX веке, когда мы по радио можем услышать Бетховена с той стороны Земли...

Уже под самым Ленинградом немецкий самолет на бреющем полете пронесся над поездом, стреляя из пулеметов. В нашем вагоне пуля распорол потолок в коридоре и ушла в пол.

Ленинград еще ни разу не бомбили, но город к этому уже приготовился. У витрин построены и строятся щиты, которые заваливают мешками с песком. Люди заклеивают окна бумажными полосками – что это даст? По ночам на крышах дежурят посты ПВО.

Ездил на передовую. Дальше штаба армии не пустили. Сказали, что посторонним там нечего делать. С каких это пор военные корреспонденты стали посторонними? Объяснили, что сейчас происходит перестроение, некоторые части отводятся в резерв, а свежие заступают на их места, проехать по дорогам невозможно... Ясно – мы отступаем.

В штабе армии мне позволили присутствовать на допросе немецкого парашютиста. Немец был лет 25, рослый и красивый, прямо Зигфрид. Я приготовился записывать, рассчитывая вернуться в Ленинград с боевой корреспонденцией «Допрос пленного»...

Полковник, в очках, похожий на учителя, начал допрос:

¹ Автор приехал в Ленинград в качестве военного корреспондента Московского радио. Посылали на месяц-два, однако пробыл там гораздо дольше... Автор вел дневник, но не по дням и часам, а записывал один-два раза в неделю то, что, казалось тогда, следовало бы запомнить. Теперь решил некоторые свои дневниковые записи включить в эту повесть. Вместо рисунков, что ли...

– Имя и фамилия?

– Адольф Гитлер, – громко ответил немец. Он нагло улыбался, и глубокий шрам на его щеке шевелился, как червяк.

– Имя и фамилия? – еще раз спросил полковник.

– Адольф Гитлер, – ответил немец, и мне показалось, что он подмигнул мне.

Изба подпрыгнула – близкий разрыв бомбы или снаряда.

– Что вас интересует еще? Торопитесь, мои товарищи уже стучат в окно, – засмеялся немец.

В избу вошел комдив. Весь в пыли, даже брови были сивыми, пыль сыпалась с него на пол.

– Что тут происходит? – сощурил он воспаленные глаза.

– Только что начал допрос, товарищ комдив, – ответил полковник. – Пленный заявляет, что его зовут Адольф Гитлер.

– Адольф Гитлер? – Комдив почему-то обрадовался, попросил полковника переводить и сказал: – Это же прекрасно, что к нам в плен попал сам Гитлер! Какая удача! Как раз у нас тут есть представитель из радио, и мы сейчас подарим ему сенсацию.

Немец слушал перевод, кивал головой, но перестал улыбаться.

– Нам будет очень приятно поставить Адольфа Гитлера к стенке и расстрелять, – обернулся комдив к полковнику. – Оформляйте протокол...

Он вышел, оставив после себя пыльное облако в луче солнца.

Я думал, что этот Зигфрид испугается. Но он только спросил, будет ли какая-нибудь судебная процедура. Полковник объяснил, что время военное, он пойман как диверсант и канцелярщина необязательна.

– За мою смерть вы заплатите так дорого, что расстрел доставит мне наслаждение, – торжественно сказал парашютист, и казалось, его наглые глаза горели голубым пламенем...

Вошли конвойные, один из них – великан в матросской форме – поднял немца со стула за воротник, как щенка. И вдруг немец закричал:

– Айн момент! Айн момент!

Матрос оглянулся на полковника, тот на секунду задумался и приказал негромко:

– Выполняйте приказ.

Матрос подтолкнул гитлеровца к дверям, но тот бросился назад, к полковнику, крича:

– Я скажу все! Нас сброшено двадцать человек! Я знаю место сбора!

– Выполняйте приказ, – повторил негромко полковник.

Немец рухнул на колени и пытался вырваться из рук матроса, но тот снова взял его за воротник и швырнул в дверь.

– Почему вы не выслушала его? – спросил я.

– Всех перебили. Он один живой из десанта... – ответил полковник.

Корреспонденция называлась «Адольф Гитлер на коленях просит пощады»... Спустя несколько дней узнал, что корреспонденция не пошла, дежурный редактор не без сарказма сказал, что даст корреспонденцию, когда ее символика будет поближе к реальности...

Глава пятая

Приближалась полночь, но в приемной Жданова было полно народа, и с того момента, как на окнах были сдвинуты тяжелые гардины, время здесь как бы остановилось. Помощник Жданова то и дело звонил по телефону, вызывал в Смольный все новых и новых людей. Это были руководители различных ленинградских учреждений или предприятий, они хорошо знали друг друга и сейчас сидели и стояли группами, тихо разговаривая.

Начальнику Управления НКВД Куприну Андрей Александрович Жданов назначил прием на ноль-ноль. Просил получше подготовиться, чтобы разговор был максимально плотным и продуктивным. Куприн, конечно, волновался – Жданов был не только членом Военного совета города и секретарем обкома, но и секретарем Центрального Комитета партии.

Куприна страшило неумение действовать в новых условиях, когда каждая крупница опыта давалась в бою, а каждая ошибка могла стоить крови. Он завидовал тем двумстам чекистам, которые ушли на фронт – там все ясно.

Он собирался честно сказать о своих сомнениях Жданову, ему некому больше сделать такое признание...

Дверь в кабинет как-то неуверенно приоткрылась, и в темноте тамбура показалась крупная фигура хорошо знакомого Куприну директора одного ленинградского завода. Дела на этом заводе всегда шли хорошо, и директор был, что называется, на виду. Здоровяк, всегда шумный, веселый, сейчас он вышел из кабинета бледный, осунувшийся, ни на кого не глядя. В приемной стало очень тихо.

Шаркая ногами по ковровой дорожке, директор завода пошел к выходу, и в это время Куприну предложили пройти в кабинет...

Верхний свет был потушен, горели два плафона на стене и настольная лампа. Малоосвещенный кабинет казался еще больше. Слева, на длинном столе для заседаний, были разложены военные карты.

Куприн стоял перед столом и ждал, когда на него обратят внимание, но Жданов еще долго резкими движениями карандаша записывал что-то в большом блокноте. Выглядел он очень усталым и раздраженным. Лицо у него было опухшее, нездорово-белое и мало похожее на крепко налитое, молодцеватое, которое все видели на портретах. На нем был штатский костюм темно-синего цвета, белая рубашка с мягким воротничком, черный галстук. На лацкане пиджака – красный флажок депутатского значка.

Жданов воткнул карандаш в стакан, откинулся на спинку кресла и потянул узел галстука:
– Чего стоите?

Куприн сел на стул и положил перед собой папку.

– Духотища страшная... – Жданов провел тыльной стороной ладони по лбу, посмотрел на нее и, вынув из кармана носовой платок, тщательно вытер руку.

– У нас два врага сейчас – фашизм и наша штатская безответственность, – сухо и гневно сказал он, как будто продолжая начатый разговор. – Только что у меня был директор завода. Война для него еще не началась. Весь – в прошлой славе. Как думаете, с чем он пришел? Посоветоваться, как быстрее перестроить производство на военный лад? Отнюдь! Просил забронировать чуть ли не весь завод! Хотя бы для отвода глаз о продукции для фронта сказал! Я, говорит, не имел на этот счет указаний. А? – Черные блестящие глаза Жданова закрылись на мгновение, он повертел головой, будто ему давил воротник рубашки. – Указаний не было. А? Спрашиваю у него: сын у вас есть? Есть, уже воюет. И это для вас не указание? Молчит. А если, спрашиваю, вашего сына убьют, потому что для него не хватило винтовки?.. – Жданов снова закрыл глаза и сказал тихо: – Безответственность... – И вдруг выпрямился, шумно вздохнул и громко сказал: – Народ мобилизовался, а они ждут указаний! – Он несколько раз молча и

глубоко вздохнул и продолжал: – Иосиф Виссарионович сказал мне, что за Ленинград он не тревожится, питерские рабочие понимают, что победу нам обеспечит только полная военная мобилизация всех сил. А вот некоторые питерские руководители этого еще не поняли...

Придвинув к себе пухлую красную папку, Жданов вынул из нее несколько листов, – Куприн издала узнал свои ежедневные сводки и увидел на полях размашистые знаки вопроса красным карандашом.

– Одно соображение общего порядка: по-моему, непосильно одному человеку возглавлять дела госбезопасности и особый отдел фронта, – решительно сказал Жданов. – Согласны? Куприн наклонил голову.

– А чего же до сих пор молчали? Любите власть? Ждали указаний?

– Я поднимал этот вопрос.

– Где? Когда? Что предлагали?

– Я писал своему непосредственному руководству, – начал Куприн и сразу умолк, поняв, что сказал не то.

– Что замолчали? – грубовато спросил Жданов. – Вспомнили, что у вас нет более непосредственного руководства, чем партийная организация Ленинграда?

– Так точно, – по-военному ответил Куприн.

– Так точно... так точно... – ворчал Жданов, перелистывая сводки. Он отложил их на край стола и сказал: – Вот что меня тревожит. Работа фронтовой разведки и контрразведки ясна – они заняты схваткой с врагом, так сказать, лицом к лицу. Но что происходит здесь, в городе? – продолжал Жданов, показывая на сводки. – Регистрация болтунов. Мелочь и чепуха. Город сам справится с болтунами. Мародеры, спекулянты и прочая накипь – дело милиции и истребительных батальонов. А вам надо думать о показаниях немецкого майора – о тех, что вы присылали мне. Майор заявил ясно и недвусмысленно – немецкое командование рассчитывает на взрыв города изнутри. Так?

– Совершенно точно, – живо подтвердил Куприн, радуясь, что разговор неожиданно приблизился к делам, о которых он думает все последнее время.

– Вы понимаете, о каком взрыве они помышляют?

– Думаю, что понимаю.

– А в сводки лопатой сгребаете слухи? – Голос Жданова звучал громко и напряженно.

– Я не верю в возможность организованной вылазки, – упрямо сказал Куприн.

– А в попытку ее организовать?

– Пытаться они могут сколько угодно...

– Ах, вы им позволяете? – едко спросил Жданов. – А может, умнее пресечь любую такую попытку в самом зародыше? Вы понимаете, что всякая сволочь в особо трудных для нас обстоятельствах неизбежно поднимет голову? Вы это вовремя увидите?

– Мы все время думаем об этом и все же сначала должны помешать тем, кто может прийти оттуда, – начал Куприн, но Жданов перебил его:

– Так образцово поставлено у вас дело, что вы можете устанавливать очередность, кого, в каком порядке хватать? – Глаза Жданова – насмешливые и серьезные одновременно – стали вдруг очень большими на бледном лице.

– На наш взгляд, наибольшую опасность представляет прямая их агентура. Ее устранение...

– Таковая имеется? – снова перебил Жданов.

– Их консульство здесь действовало активно.

– А вы спали?

– Мы еще до войны натыкались на их агентуру.

– Что значит – натыкались? Как слепые? А теперь прозрели?

– Более двухсот наших опытных сотрудников ушли на фронт, – сказал Куприн, думая, что эта цифра пояснит его мысль, вызвавшую несправедливую насмешку Жданова.

– Вы хотели бы набрать двести новых? Не поз-во-лим! – раздельно сказал Жданов и мягко стукнул пухлым кулаком по столу. – А каждая диверсия в городе, каждый проникший в город диверсант или вылезший на белый свет доморощенный мерзавец – все они будут целиком на вашей совести! Готова ваша совесть выдержать такое испытание?

Жданов требовательно смотрел на Куприна, припухлости под его глазами нервно подрагивали. Куприн напряженно молчал.

– Я упомянул об ушедших на фронт только затем, чтобы показать нашу первоочередную заботу о линии фронта, – сказал наконец Куприн.

– И это правильно, – неожиданно согласился Жданов. – Но что дальше? Тришкин кафтан?

– Почему? И на фронте и в городе для нас главная цель – те, на кого они могут опереться.

– Могут или рассчитывают?

– Не улавливаю разницы...

– Они утверждают, что все наше государство – это колосс на глиняных ногах и что мы уже рушимся. Что наши идеи чужды народу и так далее и так далее. Они могут полезть напролом, надеясь реально, скажем, на панику в городе. Что вы по этому поводу скажете?

– Мне кажется, что следует отделять то, что они кричат по радио, от того, что предпринимают и могут предпринять реальные силы: их армия, разведка. Плюс, конечно, еще авантюризм как стиль действий. Но поднять восстание в городе они не смогут.

– А если они все же попытаются?

– Ленинград их раздавит. Население поможет нам.

Жданов долго смотрел на длинный стол с картами и вдруг чуть заметно улыбнулся:

– Не уговорил я вас на вариант с восстанием. У меня тоже нет сомнений в верности Ленинграда революции и Советской власти. Но тогда выходит, что вам нечем и заниматься?

– В таком огромном городе немало опасной публики.

– Да, найдутся способные выстрелить нам в спину! Найдутся саботажники! Уголовники! Их вы обезвредите?

– Я как раз хотел несколько подробнее доложить вам о нашей работе в городе, – начал Куприн, открывая папку...

Возвращался он к себе на Литейный по улице Воинова. Ночь была безоблачной, по-северному светлой, в Ленинграде бывают такие в августе, они как воспоминание о белых июньских ночах. Куприн решил выйти к Неве... Река поблескивала и казалась тревожной. В сером перламутровом небе покачивались темные рыбины аэростатов и, если приглядеться, становились видны блеклые звезды... Куприн видел все это, но как-то безотчетно – все это было знакомое, родное, но ничто сейчас не задевало души. Он думал о разговоре в Смольном. Жданов сказал, что чекисты просто не имеют права работать плохо, они должны слиться с сердцем города, чувствовать каждую его боль. А таящиеся в городе мерзавцы должны быть обезврежены раньше, чем они попытаются хотя бы шевельнуть пальцем.

Повернув за угол на Литейный, Куприн столкнулся с патрулем. Это были морячки – молоденький командир и два краснофлотца с винтовками за плечами.

– Пгедьявите ппопуск, – картаво потребовал командир. Возвращая пропуск, он картинно, по-морски, отмахнул честь.

– Ночь спокойная? – спросил Куприн.

– Спокойная... если не считать, что идет война, – ответил командир, и оттого, что он не скартавил ни в одном слове, показалось, что он сказал это совсем другим, более взрослым голосом.

Цокая подкованными каблуками по камню, патруль уходил к Неве. Голубой луч прожектора воткнулся в небо, рассек его пополам, исчез, и небо стало темнее. Где-то очень отдаленно громыхнуло – не то гроза, не то война. Навстречу Куприну промчалась, мигая притушенными фарами, легковая машина – наверное, в Смольный...

Поднявшись на четвертый этаж, Куприн вызвал своих заместителей. Макаров пришел очень быстро – его кабинет ближе, и он вообще более поворотлив. Сухошавый, всегда спортивно подтянутый, резкий в движениях, он был не особенно симпатичен Куприну своей самоуверенностью и склонностью спорить по любому поводу.

– Ну, как было? На или под? – спросил Макаров, входя.

За дверью послышался низкий голос Стрельцова, он уже вошел, но тут же повернул обратно и, приоткрыв дверь, сказал что-то дежурному.

– Прошу извинить... – проворчал он, садясь в кресло перед столом Куприна.

– Что случилось? – спросил Куприн.

– Два раза просил уточнить очередность эвакуации наших семей – как горох об стену! А в результате – звонили из горкома, завтра дают места, а кто может уехать, мы не знаем.

Стрельцов был возмущен, но говорил неторопливо, он вообще никогда не торопился.

– Ну, так что же, что же все-таки было в Смольном? – нетерпеливо спросил Макаров.

– По поводу наших сводок сказано, что мы берем поверху, слухи собираем, охотимся на болтунов. Товарищ Жданов напомнил, что за надежность тыла, за спокойствие города целиком отвечаем мы.

Куприн подробно рассказал о своем разговоре со Ждановым.

– Пахать надо глубже – факт, – нарушил молчание Стрельцов.

– Что вы имеете в виду? – спросил Макаров.

– Помните, мы закрыли дело деникинца, кажется, его фамилия Бруно? – спросил Стрельцов.

– Там не за что было зацепиться, – ответил Макаров.

– Сегодня майор Грушко доложил, что этот самый Бруно исчез и есть все основания полагать, что он отправился к немцам, – неторопливо сообщил Стрельцов. – Вот, мне кажется, это как раз пример мелкой пахоты.

– Когда он у нас проходил? – спросил Куприн.

– Меньше года, – ответил Макаров и пояснил: – Здесь, у вас, мы слушали доклад Грушко об этом деле и дружно его прикрыли.

– Не помню, – сказал Куприн. – Давайте вызовем Грушко, пусть напомнит.

Куприн был рад, что разговор в самом начале обрел конкретность – от общих дискуссий и обмена мнениями он уже порядком устал.

Майор Грушко, чемпион города по самбо, как многие сильные люди, стеснялся своей могучей фигуры. Вот и сейчас, войдя в кабинет и поздоровавшись, он быстро сел за длинный стол около двери, положив перед собой толстое дело.

– Мы решили вернуться к делу Бруно. Помните? – сказал Куприн.

– Как не помнить... – негромко отозвался Грушко, но в голосе его слышались сильные, трубные ноты.

– Напомните суть этого дела...

Андрей Адольфович Бруно до недавнего времени работал заведующим мастерскими одного производственного комбината. Первый раз им заинтересовались примерно полгода назад, когда о нем поступил запрос из Одессы. Там судили долго скрывавшегося крупного деникинского контрразведчика, и он дал показания в отношении какого-то Бруно. Этот Бруно бежал из Красной Армии к Деникину и передал белым секретные документы. На это показание обратили серьезное внимание только спустя несколько лет после суда... Стали искать и вскоре там же, в Одессе, нашли в архиве судебное дело. Оказывается, в двадцать втором году Бруно

судили за уклонение от военной службы – время было уже не военное, и ему дали два года условно. Об измене суду не было известно. Одесская прокуратура объявила розыск Бруно, и он без особого труда был обнаружен в Ленинграде, где жил с 1929 года. Когда его вызвали в НКВД, он принес целую папку благодарностей. Все, что сказали о нем на суде в Одессе, он категорически отрицал. Но подтвердил факт уклонения от военной службы и судимость за это и сообщил, что фальшивую запись в его военном деле сделал за взятку тот самый деникинский контрразведчик, который работал тогда в одесском военкомате. Очной ставки устроить было нельзя – контрразведчик давно расстрелян. Никаких других данных не было, и искать их не стали. Дело закрыли, а Бруно оставили в покое...

– Вчера вечером позвонила по телефону работница мастерских и сообщила, что у них пропал заведующий. Я проверил: он еще недели три назад сказал, что едет в Гатчину за дочерью, и не вернулся, – закончил Грушко свой короткий рассказ.

– А может, он там заболел? – спросил Макаров.

Грушко поднял в недоумении свои крутые борцовские плечи.

– Подождите, – сказал Куприн. – В Красной Армии он служил?

– Сперва он был офицером в царской, – ответил Грушко, заглядывая в дело. – Потом в Красной, потом – у Деникина, а потом – уклонение от службы уже снова в Красной. Пестрая картинка...

– Какую проверку провели мы? – спросил Куприн.

– Слабую, – тихо ответил Грушко.

– Я прошу у вас не оценку, а точно, что было сделано, – густые черные брови Куприна сошлись в одну линию.

– Опросили его непосредственное начальство, поспрошали сослуживцев, все дали отличную характеристику. Вот и вся проверка.

– Вот это и есть копать поверху, – сказал Куприн. – Очень полезно, что мы наткнулись на этот пример. Надо срочно послать в Гатчину человека.

– А если Бруно там нет? – спросил Макаров.

– А если он там? – перебивая, ответил Куприн. – Решение принято. Что у вас, Грушко?

– Хочу напомнить еще об одном человеке. Помните дело о пожаре на новом корабле? Там свидетелем проходил некто Давыдченко.

– Хорошо помню – мы локти кусали, что не смогли его судить, – сказал Стрельцов.

– Давыдченко живет тоже в Гатчине. Я до сих пор уверен, что вся техника для поджога тогда хранилась у него, – сказал Грушко.

О дружбе майора Грушко и майора Потапова знают на всех этажах управления. Нельзя без улыбки смотреть на них, когда они рядом: великан Грушко и щуплый Потапов с сильными очками на носу, не дотянувшийся даже до плеча своего друга. Они дружат семьями, хотя живут в разных концах города, пойти в гости друг к другу так у них и называется – произвести замер города с юга на север или наоборот, в зависимости от того, кто к кому шел.

Поздней ночью они вышли из управления и стояли у подъезда на безлюдном Литейном проспекте.

– Ты меня предложил? – спросил Потапов.

– Макаров.

– Спешка с семьями из-за этого?

– Сам распорядился.

– Хорошо, что наши будут вместе.

– Не верю, что Бруно там, ты скоро вернешься.

– Что дома скажем?

– Служба, что ж еще...

– А проводить нельзя?

– Когда же? В девять к Стрельцову. Грузовики – в десять.

В бездонном темном небе послышался гул невидимого самолета, оба невольно посмотрели вверх, туда, где нес свою ночную вахту наш истребитель. Грушко положил тяжелую руку на плечо друга:

– До утра. Ольге привет.

– Наде...

И они пошли – каждый в свою сторону – и еще долго слышали шаги друг друга...

Из ленинградского дневника

Образовался какой-то быт: живу в гостинице «Астория», в самом дешевом номере – главный бухгалтер Московского радио может спать спокойно. Езжу с оказиями на фронт, но толком ничего не вижу и не понимаю, что там происходит. Военные, с которыми приходится говорить, – одни темнят, другие сами ничего не знают, третьи паникуют, четвертые грозятся в недалеком будущем разгромить врага. Поди разберись во всем этом...

Ежедневно диктую в Москву радиокорреспонденции о боевой готовности Ленинграда, о доблестном труде ленинградцев и о ратной доблести защитников города. Но все это правда – атмосфера, в которой живет, трудится и воюет город Ленина, очень бодрая. Ни тени паники. Смотришь на Невский и диву даешься – бурлит, как в мирное время. Только военных больше в толпе.

Гостиница полна эвакуированными из Прибалтики, но долго они здесь не задерживаются, их отправляют дальше, в глубь страны. На днях в кафе «Астория» ко мне привязался пьяный эстонец, все спрашивал у меня с надрывом: «Скажите мне, дураку, зачем я уехал из своего родного Таллина?»

В Ленинграде появились московские писатели Светлов и Славин. Они чудом прорвались сюда на автомашине – на какой-то заграничной, большой, черного цвета. Все мы ахали, изумлялись, как ловко они сумели проскочить в Ленинград. Какой молодец их шофер Хаскин – парень с шалыми глазами.

И вдруг Светлов сказал:

– Как вам не стыдно, задумайтесь, о чем вы говорите, опомнитесь, милые! Страшная суть происходящего не в том, что мы проскочили, а в том, что мы – советские люди – вынуждены проскакать в свой город Ленина. Задумайтесь, ребятки, над этим. И тогда вы поймете, что мы со своим авто пережили не героический эпизод, а прямо дикий, пронзительный позор! Понимаете? Позор! Наш доблестный Хаскин перенес этот позор, находясь в наиболее активной позиции, ибо он вертел баранку. А мы со Славиним от обычного груза отличались тем, что на наших спинах не было надписи «Нетто», что, как известно, означает вес без упаковки. Вот так-то, дорогие мои...

Пора, пора серьезно задуматься о войне, о своем месте в ней и о своей ответственности. Ведь прошло уже целых два месяца войны...

Глава шестая

Легенда, разработанная в абвере для Н.П. Чепцова:

«Чернышев Николай Петрович. Беспартийный. Одинокий. Родился 2 сентября 1905 года в городе Пскове, в семье железнодорожника-мостостроителя. Жил в Пскове до 1924 года, когда отца перевели на южную дорогу. Семья поселилась в Харькове. Отец в этом же году умер от тифа. Николаю пришлось бросить школу и поступить на авиационный завод. Работал токарем. В 1927 году в результате аварии в цехе получил инвалидность (потерял три пальца правой руки). Затем до 1929 года работал на том же заводе заместителем заведующего Домом культуры. С 1929 по 1935 год – заместитель директора парка культуры и отдыха в Харькове. С 1935 по 1940 год – агент по снабжению Военторга. Вольнонаемный, место службы – город Витебск. С 1940 года в составе особой группы Военторга работает по обслуживанию частей Красной Армии, вступивших в Прибалтику. В связи с войной – эвакуация. Потерял свою колонну, самостоятельно добрался до Ленинграда, ищет работу».

Сначала переход Чепцова через фронт был назначен на 15 сентября, но стало известно, что решающее наступление на Ленинград начнется раньше, в первой декаде сентября. Аксель был заинтересован, чтобы его человек оказался в городе до наступления, и Чепцов отправился через фронт в день своего рождения, 6 сентября. Он должен пробыть в Ленинграде недолго. Ему приказано ознакомиться с обстановкой в городе, провести разные эксперименты первичного внедрения, выборочно проверить агентуру и вернуться.

Чепцову исполнилось тридцать девять лет. Это был низкорослый крепыш на коротких толстых ногах, его крупная, наголо бритая голова казалась вросшей в плечи. О его лице в служебной карточке написано «без особых примет», и это подчеркнуто – такие лица в разведке ценятся.

В 1917 году отец вывез пятнадцатилетнего Никиту за границу. Мать умерла за год до революции. Отец умер в Германии в 1932 году, оставив сыну обувную фабрику. Тридцатилетний Никита Чепцов не пожелал возиться с кожами и вечно недовольными рабочими и продал фабрику. Деньги улетучились быстро. Помогли приятели, которые обещали ему счастливое будущее. Однажды в Мюнхене, в пивной, друзья показали ему своего вождя Адольфа Гитлера – смешного человека совсем не немецкого вида. Но наступило время, когда этот человек стал рейхсканцлером Германии, а друзья Чепцова заняли очень высокие посты. Но они его не забыли, и вскоре Чепцов уже носил форму штурмовика, а позднее – черный китель гестаповца, – ему была поручена проверка и чистка живущей в Германии русской эмиграции. Потом его перевели в абвер. Год назад его посылали в Прибалтику, где он действовал как один из организаторов репатриации прибалтийских немцев на родину, но главной его обязанностью была вербовка среди русской эмиграции агентов для абвера и для гестапо. Сразу после возвращения из Риги он был причислен к особой группе, занимающейся Россией, а отсюда попал к Акселю.

Аксель, конечно, знал о том, что Чепцов человек гестапо. Он знал, что без соглядатая из гестапо его не оставят, так пусть лучше будет этот не хватающий звезд с неба крепыш. Чепцов откровенно сказал Акселю, что у него в Ленинграде есть сугубо личные интересы – он хранил наследственные документы на владение хлебными складами и коммерческими домами. Аксель решил, что эта заинтересованность Чепцова в конце концов окажется сильнее гестаповских привязанностей и заставит его стараться изо всех сил.

Подбирая кандидатуру для первого похода через фронт, Аксель остановился на Чепцове еще и потому, что в случае неудачи будет лучше, если с ней будет связан человек гестапо, а не

абвера. Гораздо больше Акселя тревожило другое: Чепцов, узнав, что он идет первым, вдруг как-то обмяк, стал излишне задумчив...

Они выехали в полдень. Солдат, сидевший за рулем новенького, выкрашенного в лягушинный цвет полуоткрытого «ДКВ», видимо, первый раз вел машину с переключателем скоростей на переднем щитке, часто путал скорости, и машина то вдруг останавливалась, то дико прыгала вперед. Солдат негромко ругался.

Длинному Акселю в маленькой машине было неудобно, он сидел на заднем сиденье, согнув ноги в сторону, и все время чувствовал ими колени Чепцова. Это было омерзительно. Его раздражал новенький клеенчатый плащ, скрипевший при каждом движении. Его сердил солдат, плохо ведущий машину. И главное – его злило, что он отправился в эту поездку только из-за того, что агент, на которого он так полагался, вдруг в последний момент раскис – так ему показалось. Однако Аксель умел отлично владеть собой.

– Волнуетесь? – участливо спросил он, тронув Чепцова за локоть.

– Да... немного...

– Для разведчика момент внедрения в новую среду всегда самый волнующий... Это похоже на первое свидание. А? Я даже завидую вам... – Аксель с веселым видом смотрел на Чепцова и видел тоску в его серых маленьких глазах. – Знаете, какое самое типичное заблуждение во взгляде на нашу профессию? – продолжал Аксель. – Присвоение нам сверхчеловеческих возможностей. Разведчик же – самый обыкновенный человек, разве что посмелее других. И контрразведчик тоже человек. Когда они впервые сталкиваются – это два человека, и ничего больше. Вот вы стоите перед чекистом, кого он видит? Военторговский деятель, бежавший из Прибалтики до Ленинграда. Он видит крепкого мужчину в хорошей военной гимнастерке, без петлиц, но с офицерским ремнем, в сапогах по личному заказу. В общем, бесспорно, перед ним военторговец. Если вы тоже будете уверены в этом, чекист ничего другого в вас увидеть не сможет. Он же тоже человек, а не волшебник. Если он еще заметит вашу руку, то просто захочет вам помочь. Право, никогда не следует преувеличивать человеческие возможности противника. Это опасно...

– Я это понимаю, – слабо улыбнулся Чепцов. – В сороковом в Риге я их уже видел. И они меня – тоже. Волнует, что тут – Россия...

Они свернули на грунтовую дорогу, сильно разбитую прошедшими войсками. Разговаривать стало трудно. Машина то и дело заваливалась в ямы. Они стали смотреть по сторонам, но ничего не было видно – у дороги густо росла посеребренная пылью скучная ольха.

– Узнаете родную природу? – спросил Аксель.

– Моя родная природа – Берлин, Грюневальд, – ответил Чепцов.

Машина прыгала на ухабах...

В штабе дивизии их уже ждали. Они пересели в бронетранспортер командира дивизии и направились на позиции батальона, где Чепцов будет переходить линию фронта.

Впереди, рядом с водителем, сел командир дивизии – совсем молодой полковник, очевидно, из «французики» – так называли офицеров, выдвинувшихся во время французской кампании. На заднем сиденье между Акселем и Чепцовым втиснулся похожий на цыгана, рослый, шоколадно загоревший подполковник. Когда машина тронулась, он сказал Акселю на ухо:

– Рад познакомиться, я подполковник Рестель, возглавляю в восемнадцатой армии отдел «Один Ц».

Аксель слышал об этом отделе и о подполковнике. Они пожали друг другу руки.

– Хочу посмотреть, как вы будете это делать. – Рестель показал глазами на Чепцова.

– Технология примитивная, – улыбнулся Аксель, он не хотел вести этот разговор в присутствии Чепцова...

Из полуразрушенного кирпичного сарая на окраине сожженной деревни открывался далекий обзор местности – хорошо были видны и железнодорожная станция, и, чуть правее, ближайшая цель Чепцова – небольшой городок, который завтра в порядке разведки боем должен быть занят.

Когда стемнело, командир дивизии послал за свою передовую линию две группы разведчиков. Одну – к городу, другую – к станции. Вскоре обе группы вызвали на себя пулеметный огонь противника, и его огневые точки были зафиксированы артиллерийскими наблюдателями. Как только разведчики вернулись, начался огневой налет на позиции русских, а затем с правого фланга наискось, держа курс на станцию, пошли два танка.

Чепцов простился с Акселем, поблагодарил за помощь командира дивизии, перекрестился и вышел из сарая. Его шаги стихли в темноте. Командир дивизии спросил удивленно:

– Русский?

– Да. Когда примерно он должен перейти? – спросил Аксель.

– Через час, не раньше.

– Я не имею возможности ждать. Очень прошу вас, если это нетрудно, сообщить мне результат через штаб корпуса.

В штабе, ожидая, пока заправят бензином машину, Аксель разговаривал с подполковником Рестелем. Они сидели за столом в уютном садике позади дома, занятого командиром дивизии. Сад сонно шелестел пожелтевшей и пыльной листвой, но было тепло по-летнему. Полковник приказал подать кофе и оставил их вдвоем.

– Я вижу, ваш русский не из пленных? – спросил Рестель.

– Обожглись на пленных? – спросил Аксель, он не собирался углубляться в подробности. Этот Рестель был слишком самоуверен и немного раздражал своей бесцеремонностью.

– Да нет... Особых ожогов пока не имел, – ответил Рестель, весело смотря на Акселя черными глазами. – Надо только находить среди них подлецов. И тогда можете не волноваться.

– А как же это вы их определяете?

– По глазам, – хохотнул Рестель и продолжал: – Подлец – понятие надклассовое, наднациональное и даже надгосударственное. Подлец индивидуален и интернационален.

– Но все же, как вы их находите?

Рестель почувствовал заинтересованность Акселя и стал говорить серьезно.

– На войне подлец начинается с трусости. Я прежде всего интересуюсь, как данный индивидуум попал в плен. Вот случай. Индивидуум сам прибежал. Свои всадили ему пулю в ягодицу. Веду с ним душевный разговор о прежней его жизни и о жизни его будущей, если, конечно, не случится с ним смерти, от чего я ему никаких гарантий не даю. И вижу – индивидуум самой величайшей драгоценностью на земле считает свою собственную шкуру. Хлоп! Капкан сработал! Вся дальнейшая игра идет на шкуре, как на арфе.

– Но он же и для вас останется трусом, – возразил Аксель.

– Вступает в действие простейшая формула: индивидуум узнает, что он будет жить на этой грешной земле только до тех пор, пока верно мне служит и выполняет все мои приказы. Чуть в сторону – смерть. И он идет по этой прямой, как паровоз сквозь туман. Нет, лет, полковник, поверьте мне: русский подлец нам полезен как никто.

С востока донесся грохот далекого артиллерийского огня.

– Не там, где мы были? – спросил Аксель, прислушиваясь.

– Севернее... гораздо севернее... – сказал Рестель, вдруг став очень серьезным.

– Тогда вернемся к подлецам. Я хотел заметить, что человек, которого там считают подлецом, для нас вовсе не подлец, и мы соответственно должны к нему относиться.

– Никакого противоречия! – возразил Рестель. – Придет срок, и я своего подлеца облакаю, даже орден ему дам. Но вначале мой подлец знает, что он подлец, исходя из своих русских критериев поведения. И в этом его до поры до времени не нужно разубеждать. Если же вы

сразу дадите ему понять, что его подлость для вас – ценный подарок, он сядет вам на голову. А если увидит, что вы не очень щедры на ласку, он обманет вас при первом же испытании...

Они беседовали о русских подлецах, попивая ароматный кофе в уютном садике на русской земле, слыша ее тепло, ее осенние запахи. Над ними было густое черное русское небо в редких и блеклых звездах...

В это время Чепцов уже подходил к окраине городка. Он совершенно спокойно прошел весь путь. Огородами пробрался до глухого переулочка возле церкви и пошел по нему к центру города. Впереди он увидел силуэт грузовика и услышал голоса. Подошел ближе и стал смотреть. Две женщины выносили из склада тяжелые ящики, а мужчина – это был шофер – расставлял их в кузове грузовика.

– Бог на помощь, – сказал Чепцов, подойдя еще ближе.

– Если ты с богом, помоги, – сердито и сипло ответила женщина, тащившая на плече ящик...

Чепцов молча перехватил у нее тяжелый ящик и вскинул на грузовик. Он стал вместе с женщинами таскать ящики, пока они не загрузили кузов машины.

Женщины, шофер и Чепцов уселись рядом на бревнах передохнуть.

– Местный будете? – спросила женщина с сиплым голосом. Чепцов в темноте не мог ее разглядеть.

– Местный... – усмехнулся он. – Я от самой Риги местность ногами меряю. А по службе я военоторговец. Доторговался вот...

– Гляди, Груня, наш товарищ по всем несчастьям. А я заведу тут магазином, это мой склад. Три дня грузовика не могла допроситься. Никому дела нет, а случись что, сам знаешь, подай сюда завмага.

Где-то в центре города сухо треснул разрыв снаряда, и тотчас над крышами там расплылось розовое пятно. Чепцов знал: началась артиллерийская обработка города, через час сюда пойдут танки. Но это началось почему-то раньше времени, о котором ему было сказано в штабе дивизии.

– Поехали, бабоньки. – Шофер встал и быстро направился к машине.

– Не дрожи! – сипло крикнула ему вслед заведующая магазином. – Ящики-то бабоньки таскали, дай хоть остыть малость.

Шофер, не отвечая, залез в кабину и завел мотор. В это время снаряд ударил позади склада, воздушная волна сорвала с него крышу, всю целиком, и, перебросив ее через улицу, поставила шалашом перед домом.

Завмаг стала поспешно садиться в кабину, другая, встав на колесо, легко вспрыгнула в кузов и втиснулась там между ящиков.

– Куда едете? – спросил Чепцов.

– В Ленинград, куда ж еще... – ответила женщина. – А ты что, остаешься?

– Подвезете?

– Залезай, шевелись! – злобно крикнул шофер.

Близко разорвался еще один снаряд. Комья земли застучали по крыше шоферской кабины. Грузовик рванулся с места. Чепцов забросил в кузов рюкзачок, схватился за борт и с разбега вскинул свое крепкое тело в двинувшуюся машину.

Над городом метался судорожный свет непрерывных артиллерийских разрывов и начинавшихся пожаров. Казалось, что черное небо вот-вот расколется от непрерывного грохота.

Грузовик, не зажигая света, мчался по пылающим улицам, и Чепцов молил бога только об одном, чтобы шофер не заблудился в горящем городе и вывел машину из-под огня. «Вот тебе и точный немецкий расчет, – подумал он. – Ну что бы я делал, если б не оказалось этого грузовика?» И вдруг Чепцов с удивлением и тревогой обнаружил, что он все печется о том, как он доберется до города, и совершенно не думает об огромной опасности, которая угрожает его

жизни уже сейчас. Ведь достаточно одного снаряда на пути машины, и его разнесет вместе с этими ящиками, от которых пахнет хозяйственным мылом. Да, это глупо, трижды глупо видеть единственную опасность в чекистах...

Шофер, видно, дорогу знал хорошо – грузовик довольно скоро вырвался на шоссе, и город, охваченный огнем, остался позади...

На окраине Ленинграда грузовик свернул с шоссе и подъехал к воротам, над которыми полукругом, накладными буквами по сетке было выведено: «База потребсоюза».

Чепцов поблагодарил женщин и стал с ними прощаться, но они пригласили его позавтракать. «Это похоже на первое свидание, – вспомнил Чепцов слова Акселя и улыбнулся: – Не очень-то похоже... А ничего...»

В чистенькой сторожке шипела яичница на громадной сковородке. Откуда-то явился директор базы – толстяк с розовыми, налитыми щеками. Узнав, что на базе гость, выдавший войну, он принес поллитровку и стал расспрашивать.

– Всякого хлебнул, – угрюмо отвечал Чепцов. Надо было начинать жизнь неразговорчивого человека.

– Немцев видал? – спросил директор, голубые его глаза светились неподдельным детским любопытством.

– Издали.

– Издали оно и лучше, – понимающе заметил директор. – Вблизи они могут запросто голову оторвать.

Выпили за победу над врагом. Потом за Родину и за товарища Сталина. Директор как-то сразу осоловел, обмяк, и его повело на философию.

– Хорошо мы жили... – тоскливо начал он. – Больно хорошо жили. Пришел час расплавиваться. Немец... Он же сосиски из опилок ел, честное слово, сам в газете читал. Масло он в глаза не видел. Ему пушки взамен масла предлагали. Вот он с голодухи и злой как черт. Рвется до даровой шамовки, до нашего масла, до наших окороков. А мы все еще чешемся.

– Говорили – никому пяди земли не отдадим, – насмешливо вставила заведующая магазином, расчесывая свои густые поседевшие волосы.

– И не отдадим! – вдруг заорал директор и ударил кулаком по столу, его лицо налилось кровью, стало багровым.

– Оно и видно... – Груня кивнула на Чепцова. – От самой Риги пяди меряет.

– Главный счет впереди, – грозно провозгласил директор и, расплескивая водку, стал наливать себе еще.

– Когда Гитлер всех нас на виселицу вздернет, да? – съехидничала заведующая магазином.

Директор выпил.

– Ошибкой было, Нина Ивановна, что назначили вас завмагом, – сказал он печально. – Политически незрелый вы человек.

Заведующая магазином встала из-за стола и вышла из сторожки. Вслед за ней вышла и Груня.

– Скатертью дорога, – крикнул им вслед директор. – Баба есть баба во все времена. Верно? Звать-то вас как?

– Николай Петрович. – Чепцов посмотрел на часы и заторопился. – Пора мне.

– Куда пора? – Директор пьяно пялил глаза на Чепцова.

– Пойду начальство искать.

– Ну и дурак. Зачем тебе начальство? Само тебя найдет, когда понадобится, а так схлопочешь себе шинельку, и все.

Чепцов показал руку.

– Это что... немцы? – заморгал директор.

– Да нет, давно... Спасибо за приют и ласку, до свидания...

Из ленинградского дневника

Два дня находился при штабе дивизии. Они девятый день твердо держат оборону. Хочу написать на тему «Остановить врага во что бы то ни стало». Все командиры тему одобряют, но, когда говорю, что хочу показать опыт их дивизии, они решительно уходят от разговора.

Болтался без толку в штабе дивизии – никто, как видно, не принимает меня всерьез. Наконец уже вечером надо мной сжалился капитан Соломенников, пожилой, седой штабник. Какая у него должность, не понял. По возрасту и по внешности быть бы ему комбригом, а он – капитан. Все лицо у него сожжено солнцем, а в морщинках проглядывается белая кожа.

Не знаю, почему капитан Соломенников взялся за мое военное образование, но он увел меня к себе ночевать, и мы говорили всю ночь. Верней, он говорил, учил уму-разуму. Он служил в русской армии еще в первую мировую войну и немца видит на войне не впервой, или, как он выразился: «Германец, мне не в новинку».

– Для Германии эта война с нами – безнадежное бедствие... Они не учли главного: победить нас могут, только уничтожив подчистую все население, а это им не под силу. Никому такое не под силу – государство уничтожить нельзя, даже самое маленькое. Они и до нас уже напобеждали: Польша, Франция и так далее. И каждая эта страна для Германии как начало раковой опухоли, причем опухоль эта и политическая, и экономическая, и моральная, и, конечно, военная...

Темная изба, на полатах лежит капитан, мелькает огонек папиросы. Слышу ровный, спокойный голос Соломенникова:

– Гибельно и попросту глупо оценивать ход войны по сданным городам. Я стараюсь даже командирам рот прививать умение и желание видеть не только то, что у него под носом, а самую дальнюю перспективу войны... И вам советую. Вы иронизировали насчет храбрых выписок из боевых донесений. Зря. В этих доблестных поступках наших солдат – главный страх Германии и главная черта войны, которую мы сегодня ведем...

Русский характер – вот еще проблема для немцев. Немец прибывает к нам из-под своей черепичной крыши и от сортира, отделанного белым кафелем, смотрит на наши крестьянские избы под соломой или сидит на корточках в огороде и никак не может понять: почему живущий в адских избах русский мужик идет на смерть, защищая эти самые избы? Немцы проиграют войну, но они так и не поймут, в чем тут дело... Хотел бы вам посоветовать: пишите в свое радио правду, только то, что происходит на самом деле, и вы никогда не ошибетесь. Сегодня мы отступаем – это правда. Не бойтесь ее. Противник наступает, но несет значительные потери... А конец еще далеко-далеко...

Может, другие понимают все без встречи с вами, дорогой капитан Соломенников, а мне эта встреча была необходима до крайности.

Я, видать, еще мало и мелко думал о войне. Как-то недавно Светлов шутил, что редакция требует от него «подвальную корреспонденцию», но чем он может заполнить целый газетный подвал, если он сам, сидя в подвале бомбоубежища, про эту великую войну точно знает только одно, что там убивают... Сегодня он вернулся с фронта. «Чем дальше туда, чем ближе к бойцу, тем спокойнее на душе, и, очевидно, чтобы обрести полный покой, просто надо самому стать солдатом. Правда, там часто убивают, но, ей-богу, лучше быть убитым, чем жить в неведении трясущимся неврастеником», – сказал он, и, как всегда, было непонятно, смеется он или всерьез.

Светлов прав. Не встретился ли и ему на фронте свой капитан Соломенников?

Глава седьмая

Уже несколько дней Потапов жил на «собственной» даче под именем Дмитрия Трофимовича Турганова. Рыжеватая бородка сделала его лицо совершенно другим. В сером, порядком заношенном пиджаке и мятых брюках, заправленных в сапоги, он был похож на интеллигентного человека, пришибленного жизнью, – ходил, опустив голову, сутуля плечи, исподлобья смотрел себе под ноги через толстые очки в металлической оправе. Несколько раз за день Потапов выходил на угол главной улицы и смотрел, как двигались войска и с ними – беженцы.

Фронт приближался. По ночам небо на западе шевелили багровые отсветы и слышался невнятный, отдаленный гром. Через Гатчину все гуще шли наши отступавшие войска. Городок быстро пустел, постоянные жители перебирались в Ленинград.

Нужно было решать, что делать. Потапов уже давно разыскал дом, в котором жила дочь исчезнувшего из Ленинграда Бруно. Это было совсем недалеко от дачи, «купленной» Потаповым, чуть ближе к Охотничьему замку. Соседка сказала, что старый Бруно уже давно приезжал за дочкой и увез ее, говорил – в Ленинград. Вход в дом заколочен, но окна только прикрыты ставнями. Потапов открыл ставню и заглянул через окно – мебель стояла в полном порядке, на полу лежала дорожка, пианино не было закрыто чехлом. Похоже, что хозяева собирались скоро вернуться...

Давыдченко явно ждал немцев. Ему принадлежала половина небольшой дачи возле церкви, в самом центре городка. Владельцы другой половины уехали в Ленинград, и Давыдченко решил расположиться во всем доме – он расколотил наглухо забитую дверь, сломал перегородку и часть своих вещей перетащил на чужую половину. Он вел какую-то суетливую, нервную жизнь: то хлопотал с топором на участке, то с озабоченным видом убегал зачем-то в город.

Потапов позвонил в Ленинград и доложил о положении дела. В отношении Бруно приказ был сложный: ждать до последней возможности и, если Бруно появится и откажется вернуться в Ленинград, оставаться вблизи него. Давыдченко надо было заставить своевременно уехать в Ленинград.

Но как определить ту самую последнюю возможность, до которой ему надо ждать появления Бруно? Гром войны совсем близко, на веранде беспрерывно звенят стекла. Дождь то начинался, шумя по железной крыше, то затихал. А сейчас шел ровно, споро, с монотонным шумом...

Глубокая ночь. Каждый час, каждую минуту в Гатчину могут ворваться немцы. Потапов недавно вернулся с дачи Бруно – там все по-прежнему. Надо было спать, но он не мог себя заставить.

Всего несколько дней миновало, как он уехал из Ленинграда, но кажется, что с тех пор прошла целая вечность. Только сегодня он разговаривал по телефону с Грушко, но сейчас, ночью, разговор этот уже казался нереальным... Литейный... Большой дом... Паша Грушко... Оля с Вовкой.

Даже проститься с семьей толком не мог. Ночью вырвался домой на несколько часов. Пока дошел – он жил возле Балтийского вокзала, – уже стало светать.

Дома не спали, недавно позвонили из хозяйственной отдела и предупредили, что грузовик заедет за ними в десять утра.

Когда Потапов вошел в комнату, Ольга даже не повернулась. Она понуро сидела на чемодане посередине комнаты, бессильно опустив сцепленные руки. Теща, Нина Ивановна, с книжкой сидела на своем любимом месте в углу, у настольной лампы.

Потапов сел рядом с Ольгой на чемодан и обнял ее за плечи.

– Оля, от нас с тобой ничего не зависит, – сказал он.

Ольга подняла голову, и он увидел ее похудевшее и постаревшее лицо.

– Воловы вон не бегут, – сказала сухим голосом Нина Ивановна.

Воловы – их соседи по коммунальной квартире – большая рабочая семья.

– Мы тоже не бежим, Нина Ивановна, – как только мог спокойно ответил Потапов. – А придет срок, Воловых тоже эвакуируют, это придумано не для нас одних.

– Лично я не поеду на ваш Урал.

– Значит, вы не любите свою дочь, своего внука, – устало сказал Потапов и спросил: – Все уложили, Оля?

– Не знаю... ничего не знаю... кошмар какой-то... – еле слышно сказала Ольга.

– Он один только все знает и все понимает, – язвительно сказала теща.

Потапов молчал. Что он мог сказать жене и ее матери, кроме того, что не уехать они попросту не имеют права. И уедут. Завтра, нет, уже сегодня, скоро, в десять утра. Он не может сказать им ничего другого... «Надо поговорить с Олей сейчас же, сию минуту...» – подумал он. Они уже давно виделись только урывками, ночью да ранним утром, когда он уходил из дому. И сейчас, очень скоро, он уйдет...

– Слушай, я останусь с тобой, – вдруг сказала Ольга и, крепко обняв его за шею, прижала голову к его груди.

– О Вовке подумай... – сказал Николай, тоже крепко обняв ее. – Пойми, Оля, милая, вас отправляют подальше от опасности, идет тяжелая война. Для вас же это делают!

Ольга подняла голову и стала молча, со слезами на глазах глядеть на мужа.

– Пойми, девочка, все будет хорошо, – продолжал он, взяв ее голову в свои руки. – Ведь не одни же вы едете, с вами будет наш представитель – все же организовано как-то. Поймите и вы это, Нина Ивановна.

– Пап, а ты уже видел живого фрица? – раздался из-за ширмы Вовкин голос.

– Что-что, а это он видел, можешь не беспокоиться, – непонятно съязвила теща.

Потапов посмотрел на Ольгу и увидел ее такой, какой она была в тот летний день в Петергофе и потом, на их свадьбе, когда ребята с Балтийского и ее институтские подружки вот в этой комнате пели песни, плясали и без конца вопили: «Го-о-о-о-рько-о-о!» Никогда он не умел сказать ей о своей верной любви, о том, как она нужна ему всегда, всегда...

Они поженились почти десять лет назад. Потапов был тогда свежее испеченным инженером-судостроителем, первый год работал на Балтийском заводе. Она еще училась в педагогическом институте. Познакомились случайно, летом, в Петергофе, а в новогоднюю ночь уже сыграли свадьбу. Они любили друг друга и, по правде сказать, особенно не задумывались над тем, как сложится их семейная жизнь, главное – что они будут вместе. Спустя год его по партийной мобилизации послали в НКВД, и началась работа каждый день с утра до поздней ночи. Работа, о которой дома даже поговорить нельзя. Когда в 1934 году родился Вовка, Ольге пришлось прервать учебу. В то время ее мать жила в Смоленске, она с самого начала не одобряла Олиного замужества и отказалась переехать в Ленинград, помочь дочери. Приехала только три года назад, когда стал подрастать внук и когда убедилась, что Ольга никогда не выполнит ее совета о разводе. Началась жизнь четвером в одной комнате... Не очень это было легко... И все равно, несмотря ни на что, было счастье. Было!..

Потапов внезапно проснулся. Посмотрев на часы, он вскочил с постели и сделал несколько резких движений руками – надо работать. Плеснул в лицо пригоршню холодной воды, торопливо вытерся и отправился к Давыдченко.

Потапов вошел в палисадник дачи и сразу увидел ее хозяина, тот засыпал землей заго-родку для завалинки. В холщовых штанах, сандалиях и в длинной толстовке с мягким поясом Давыдченко совсем не был похож на фотографию в деле – там лицо у него вообще симпатичное, а сейчас, когда он настороженно смотрел на приближавшегося Потапова, лицо его, сухое, с крючковатым носом, со злыми и пугливыми серыми глазами, никаких симпатий не вызывало.

– Здравствуйте, сосед, – сказал Потапов.
– Не имею чести знать, – глухо ответил Давыдченко.
– Могу представиться – Турганов Дмитрий Трофимович, моя дача на Зеленой улице.
– А говорите, сосед... – Давыдченко с какой-то досадой воткнул лопату в мягкую землю завалинки. – Ну и чем могу служить? Погодите, погодите, Зеленая, говорите, улица? А вы не тот сумасшедший, который перед самой войной купил гнилой дом?

– Почему же гнилой? Дом как дом, – обиделся Потапов.
– Так весь город знает, что его жучок съел. Они долго ненормального искали.
– И значит, нашли... – невесело улыбнулся Потапов. – А только, может, я и не такой сумасшедший, как сразу покажется.

Давыдченко внимательно смотрел на Потапова.

– Это как же прикажете понимать? – негромко спросил он.
– Очень просто, кому моя дача нужна?
– А-а-а-а? – неопределенно протянул Давыдченко. Он вопросительно смотрел на Потапова и вдруг дернулся от близкого разрыва снаряда или бомбы. Где-то зазвенело разбитое стекло.

– Черт! Не могу привыкнуть... – пробормотал он.

– От войны, как от смерти, не уйдешь... – философски заметил Потапов.

Они долго молчали. Утро раскрывалось все шире и ярче. Солнце плеснуло по мокрым макушкам деревьев, и они засверкали, будто украшенные стеклярусом...

– Так вы что... решили? – спросил Давыдченко.

Потапов долго протирал платком очки, смотрел в небо прищуренными глазами.

– Еще думаю, – ответил он. – А ваш совет?

Давыдченко, скосив взгляд, наблюдал за Потаповым.

– Весь вопрос, каков он, немец? Такой, как его у нас рисуют, или...

– Проверить можно только экспериментальным путем, – усмехнулся Потапов. – Гарантий нам с вами никто не даст.

– Может, когда они узнают... – Давыдченко вдруг стал энергично насыпать землю в ведро, отнес его к дому и спросил оттуда: – Мы ведь им не опасны? Может, и не тронут вовсе?

– Гарантий нет, – повторил Потапов.

– Полжизни стоит, – печально и с тихой злобой ответил Давыдченко и высыпал землю за доски.

– Вы-то хоть пожили в ней, а вот я купил, называется. В пору веревку на сук забросить...

Спустя час они сидели за столиком под яблоней и доканчивали бутылку водки. Давыдченко заметно обмяк, говорил более откровенно.

– Никто заранее не знает, где он упадет... – говорил он, вертя на столе пустой стакан. – Меня тут один человек звал... Он взял дочку с зятем и поехал навстречу немцам. Но ему-то хорошо, он по крови немец... А может, я сдурил, что не поехал с ним? А?

– Сами же сказали, неизвестно, где упадешь... – ответил Потапов. – И за приятеля вашего я тоже не поручусь, хоть он и немец.

– А он мне не приятель, – ответил Давыдченко с достоинством. – Я ему в свое время дачу для дочери сосватал. И я тоже ему говорил: подумай. Я ведь как соображаю: если уж немец прорвется сюда, то прорвется я в город, не удержали его на дороге в тысячу километров, что говорить про эти сорок? Так что, по всем данным, самое разумное сидеть здесь и ждать, что будет.

– За Ленинград сражение будет великое, – сказал Потапов.

– Тем более не следует туда лезть.

– И тут жарко будет. Здесь же немец свои тылы расположит. Красная Армия сюда бить будет день и ночь. Что не сгорит, то немцу понадобится. А в городе мы все ж будем среди своих... – рассуждал вслух Потапов.

– Может, мне те свои хуже чужих, – пробурчал Давыдченко.

– А это верно! Я тоже. И мне свояков там не найти, – согласился Потапов. – А немец все же чужей.

Давыдченко поднял голову и внимательно посмотрел на Потапова.

– Не знаю, как вы, а меня бог спас, а то бы сейчас ищачил я где-нибудь в таежной глуши, – сказал он.

– А что стряслось-то? – сочувственно спросил Потапов.

– Слава богу, не стряслось, мимо громыхнуло, – ответил Давыдченко. – Есть еще благородные люди – сами погибли, а не выдали, спасли, можно сказать, царство им небесное.

– Коммерция? – спросил Потапов.

– Ну, какая сейчас может быть коммерция? Так что в городе у меня своих раз-два – и обчелся, – сказал Давыдченко, выливая из бутылки в свой стакан последние капли.

– У меня не больше. – Потапов отлил ему из своего стакана половину оставшейся водки. – За то, чтобы наши с вами страхи кончились... – Они выпили, закусили хлебом.

– Меня, знаете, тоже погоняло по жизни... – продолжал Потапов. – С двадцать девятого года не по своему паспорту живу. Думаете, сладко?

Давыдченко то слушал Потапова очень внимательно, пристально смотря на него своими злыми глазами, то вдруг начинал следить за пчелой, кружившейся над столом, а то поднимал глаза вверх и смотрел куда-то через забор.

– А все ж в городе за его камнями спрятаться будет понадежней, – сказал Потапов. – Так, наверно, все думают. Видели, как валом валят беженцы в город? Пойдем посмотрим...

Они вышли к главной улице и остановились на пригорке возле мостика. По шоссе от дворца в сторону Ленинграда беспорядочно двигались машины и люди. Двигались как-то неторопливо, точно в этом движении для людей не было никакого смысла. Пешие беженцы печально брели по краям дороги, глядя себе под ноги и не разговаривая, у каждого на спине был нелегкий груз. Они не поднимали головы, даже когда в небе слышался гул самолетов.

Возле Давыдченко остановился старичок в соломенной шляпе и чесучовом пиджаке, он катил перед собой тяжело нагруженную тачку.

– Простите меня великодушно... – сказал он. – Но с утра не курил, портсигар свой, находясь в нервном возбуждении, дома оставил...

– Откуда будете? – спросил Давыдченко, вынимая папиросы.

– Из самой Луги идем... – Старик посмотрел на шоссе, жадно закуривая папиросу. – Да кто откуда. Тут и из Риги есть народ. Я шел сюда, к родственникам, но дом забит. В Ленинграде у меня сестра.

– Думаете, там вас рай ждет?

– Что б меня там ни ждало, все равно, – хмуро сказал старик. Он поднял свою тачку и, не оборачиваясь, крикнул: – За папиросу покорно благодарю!..

От группы людей отделилась и подбежала к ним высокая женщина.

– Люди добрые, воды не дадите? – еще издали крикнула она.

– Мы тут не живем, дорогая... – начал Давыдченко, но Потапов перебил:

– Идемте...

Они вошли во двор ближайшего дома. Окна его были забиты, и, судя по всему, уже давно. Одиравшая кошка, мяукнув, метнулась под крыльцо. Нашли в глубине двора колодец. Давыдченко держал ведро, пока женщина пила.

– Спасибо вам, дядьки, спасибо, родные, – сказала она, отдышавшись и вытирая лицо платком. – Побегу догонять. Спасибо. До свидания. А вы-то? – торопливо говорила она, направляясь к калитке.

– Успеем... – ответил Давыдченко.

– Смотрите, смотрите... – повернулась к нему женщина. У нее было совсем молодое, красивое лицо, а черные волосы были тронуты серым налетом – не то пыли, не то седины. – А то увидите, что я повидала. Дождалась их, иродов, все не знала, как больную мать тащить. Они пришли, гогочут на всю деревню, мочатся посреди улицы, кур ловят. А потом пошли по домам. За какой-то час половину деревни перестреляли... и маму... тоже. – Красивое лицо ее искривилось, и она бегом побежала к калитке.

Потапов и Давыдченко молча вернулись на дачу. Сели снова под яблоней.

– Я про что сказать хочу, – вдруг решительно сказал Потапов. – Когда немец придет в город, мы спокойно сможем сюда вернуться – у них ведь что-то, а собственность признается. Вот мы и вернемся. Сразу-то, когда придут, сгоряча и пристрелить могут. А в городе порядка больше будет...

Давыдченко решительно встал:

– Да. Решили. Идите заколачивайте свой дворец. Тянуть больше нельзя...

Из ленинградского дневника

Утром – оказия на фронт. Дорога до фронта все короче. Еще издали стало чувствоваться, что на передовой беспокойно... У железнодорожного переезда встретили автобус с ранеными. Они говорят – немец начал новое наступление.

Через три километра попали под зверскую и, как говорится, персональную бомбежку. Отлеживались в болоте. Когда рвалась бомба, болото колыхалось. Как будто земля под твоим животом ходит огромными волнами. Страшно – дико. Только одна бомба упала на шоссе недалеко от нашей «эмки» – ни единой царапины.

Двое суток болтался в этом районе. У артиллеристов, у пехотинцев, последнюю ночь у особистов и ревтрибунальцев. Все время вспоминал капитана Соломенникова. Все мне теперь видится иначе. Немец снова теснит, но это совсем не то, что я раньше видел под Ригой в первые недели войны. Сейчас все по-другому, и главное – люди будто другие – нет потерянных, перекошенных от страха лиц, не шепчутся.

Был на приемном пункте санбата. Слышал, как раненые солдаты возбужденно матерились, как рассказывали про бой. Так ведут себя люди, которых вырвали из драки, а они еще не додрались. Совсем молоденький паренек с раздробленной рукой рассказал: «Они ж чумные (это немцы), лезут, автомат у брюха, орут как на пожаре – на психику жмут, одним словом. А мы их выжидаем на прицельный и потом как дадим... Наверняка половину их выбили. А другая половина залегла. Мы – туда. Они вскакивают и бежать – страсть как штыка не любят. Но некоторые все же полезли врукопашную... – Он вздохнул смешно так, по-детски, и крепко выругался. – Один – сволочь здоровенная – прикладом как жажнет меня прямо по локтю... Вот гад! А?» Паренек маленький, худой, и руки у него маленькие, как у девушки. Оказалось, москвич. Киномеханик в рабочем клубе. Призвали за полгода до войны. Его повели к хирургу, он обернулся, крикнул: «Фамилию мою запишите – Кандобин. Алеша Кандобин». И снова вспомнился мне седой капитан.

Ночь у особистов. Приехали к ним работники воентрибунала. Армия воюет, а они воюют внутри армии – с трусами, изменниками, мародерами и прочей дрянью. Они рассказывали разные случаи, не для печати конечно. Например, о трусе и предателе, который, когда его товарищи шли в смертную атаку, спрятался в канаву и сделал себе самострел...

Спрашиваю: кто же эти негодяи? Откуда взялись?

Особисты с трибуналами только переглядываются. А полковник из трибунала сказал: «Народ – хозяйство сложное, многослойное, тут всякое в щелях может оказаться. Этот, что себе руку прострелил, – просто слизняк, и таким его сделали родители – воспитывали его так, что все – тебе, сынок, а от тебя, чтоб и волос с головки не упал...»

Утром видел, как его расстреливали. Полковник из трибунала зачитал приговор. Командир роты, в которой служил предатель, сказал: «На такую мразь фашисты и рассчитывают».

Это происходило рано утром в овражке. Еще не совсем рассвело. Ярко были видны только нижняя рубашка и бинт на руке приговоренного. Когда раздался залп, он вроде бы побежал, но сделал только один шаг.

Кто-то ногой спихнул его в яму...

Глава восьмая

Сентябрьское утро начиналось нежным прохладным рассветом. Черное ночное небо быстро светлело и становилось выше, в нем гасли последние звезды, исчезали аэростаты воздушного заграждения. Над городом чуть обозначилась протянувшаяся с севера на юг, похожая на тропинку гряда прозрачных облаков.

Где-то на крышах, в гулкой тишине пустого с ночи города переговаривались бойцы противоздушной обороны. Казалось, разговаривали дома.

– Спокойная ночь, – сказал один дом женским голосом.

– Наверно, на подступах отбили, – сказал другой дом мужским голосом.

– Обстреливали близко к Исаакию... – сказал еще один дом.

– Опять у вас на третьем этаже в крайнем окне свет проглядывал, – сказал дом с другой стороны улицы.

– Подадим сегодня на штраф, а то и похуже, пусть знают...

Погромыхивали железные крыши – дежурные уходили с ночных постов. Старший лейтенант госбезопасности Дмитрий Гладышев в этот час на углу улицы Некрасова и Литейного проспекта принял дежурство у лейтенанта Дрожкина.

– Ну что? – спросил Гладышев.

– Домой вернулся в обрез, к самому комендантскому часу, бежал, бедняга, – ответил Дрожкин, потягиваясь в предвкушении сна.

– Работка, – недовольно проворчал Гладышев.

– Надо было идти в артисты, там совсем другое дело, – прищурился Дрожкин. – Ну, желаю...

Гладышев медленно шел по улице Некрасова к дому восемь, где на втором этаже – второе окно от ворот – жил Маклецов.

Особенно удобно подъезд дома восемь просматривается из садика, который дальше по улице Некрасова. И еще – из ворот на той стороне Литейного, где удобно было укрыться от дождя, а рядом из аптеки всегда можно позвонить в управление. И еще одно удобное место – баня, там у входа весь день толпятся люди.

Вот и дом восемь. Второе окно от ворот закрыто шторой. Дмитрий идет в садик и садится. Очень удачно стоит скамейка – с улицы ее не видно, а если чуть наклониться вправо, он видит всю улицу, видит дом восемь...

В 1939 году, окончив десятилетку, Дмитрий Гладышев отнес документы в педагогический институт и сел за учебники. За три дня до начала экзаменов его вызвали в горкомсомола.

Из горкома пятеро таких же, как Дмитрий, ребят отправились на Литейный, в Управление НКВД. Около часа они просидели в бюро пропусков. Ребята познакомились. Трое работали на ленинградских заводах, а двое, как и Дима, подали документы в вуз. Всем им тоже ничего толком не сказали в горкоме, но, в общем, все было и так понятно – в этот большой дом на Литейном их направили не случайно.

– Работа, слов нет, почетная, – сказал белокурый парень с Балтийского судостроительного.

– И материально должно быть прилично, опять же форма, – серьезно сказал маленький, очень красивый паренек.

Гладышев слушал разговор ребят и был уверен, что с ним-то произошло недоразумение, которое сейчас выяснится. И так уже три часа потеряно, придется сидеть над книжками ночью. Наконец их окликнули из окошечка в стене и выдали пропуска...

С Гладышевым разговаривали двое. Один сидел за столом, и перед ним лежали институтские документы Дмитрия. Другой сидел сбоку на диване. Отвечая на их вопросы, Дмитрий поворачивался то к одному, то к другому, это сбивало с толку. И вопросы были странные, вроде: «Кто мужья всех твоих сестер?» А сестры замуж и не собирались еще...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.